НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНІЕ

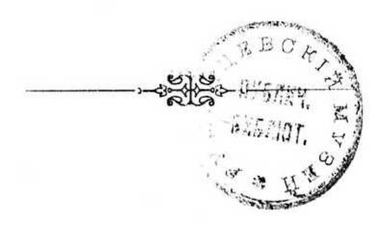
АПОКРИФОВЪ—ОТРЕЧЕННЫХЪ КНИГЪ

въ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1900 г.

Научное изученіе апокрифовъ—отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ во второй половинѣ настоящаго столѣтія.

Оживленное изученіе древнерусской письменности и народной словесности, характеризующее въ русской наукѣ вторую половину настоящаго столѣтія, выдвинуло особую область полуцерковной, полународной письменности, т. н. отреченныя (ἀπόρρητα), сокровенныя (ἀπόκρυφα), ложныя, отмѣтныя писанія, или апокрифическія книги, которыя, отправляясь отъ библейскихъ и евангельскихъ сказаній, развивали ихъ своеобразными, сказочными мотивами. Съ шестидесятыхъ годовъ ни одинъ учебникъ русской литературы, исторіи русской словесности не обходится безъ этого отдѣла, посвящая ему хотя нѣсколько словъ при опредѣленіи духовныхъ стиховъ и легендъ, или славяно-русской переводной литературы. Между тѣмъ, поиски въ области ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ апокрифовъ и другихъ отреченныхъ книгъ, опредѣленіе границъ ихъ, ихъ состава, происхожденія не закончены до сихъ поръ въ научномъ изученіи. Поиски эти не такъ легки въ виду самаго характера памятниковъ, многіе изъ которыхъ подвергались строгимъ запретамъ со стороны церкви по своему баснословному, а иногда и еретическому содержанію. Вниманіе науки къ этимъ книгамъ понятно по широкому кругу явленій, захватываемыхъ апокрифами. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, напримѣръ, примыкающія къ каноническимъ библейскимъ (не вошедшія въ ветхозавѣтные каноны — палестинско-іудейскій, александрійско-греческій, апостольскій, и друг.) были принимаемы и церковными писателями, какъ преданія благочестивой поэзіи, отражались въ церковныхъ укра-

шеніяхъ, пѣснопѣніяхъ, словахъ, сборникахъ, и т. п. Но большая часть апокрифовъ, извѣстная теперь въ древнихъ восточныхъ и греческихъ текстахъ, а также и въ переводныхъ латинскихъ, европейскихъ и, между прочимъ, въ массѣ славянскихъ переводовъ, съ давнихъ поръ подвергалась церковнымъ запрещеніямъ и отмѣчалась внѣ Канона, въ индексахъ ложныхъ книгъ. Эти индексы ведутъ свое начало отъ соборныхъ опредѣленій, напримѣръ,—Лаодикійскаго Собора IV вѣка (59 правило τοὺς ἰδιωτικοὺς ψαλμοὺς, позднѣе 60 правило), и въ увеличивающихся спискахъ тянутся далѣе отъ VIII—X вв. Итакъ судьба апокрифическихъ сочиненій древности, начиная съ іудейскихъ и массы христіанскихъ, съ первыхъ вѣковъ нашей эры (особенно со II—III вв.), была разнообразна, какъ разнообразно и ихъ содержаніе и происхожденіе. Одни изъ нихъ находили доступъ въ церковь, другіе распространялись среди простодушныхъ чтителей религіозныхъ вѣрованій и воспроизводились въ популярныхъ изображеніяхъ церковной живописи, народныхъ изданій, отражались въ массѣ народныхъ повѣрій, разсказовъ, пѣсенъ, сливались съ старыми языческими вѣрованіями. Область библейскихъ апокрифовъ увеличивалась другими явленіями христіанскихъ преданій, и нѣтъ области церковной жизни, которая бы не имѣла параллельныхъ ложныхъ писаній. Таковы апокрифическія, историческія и поучительныя сочиненія, житія святыхъ, слова, молитвы, обрядовыя предписанія, и проч. Рядомъ съ апокрифами и по связи съ ними въ область отреченныхъ, запрещенныхъ сочиненій попали и гадательныя, волшебныя книги. Отсюда понятна трудность разобраться во всей этой письменности, извѣстной теперь и въ цѣльныхъ сочиненіяхъ, и въ отрывкахъ, и въ переводахъ, и въ пересказахъ, и даже только въ однихъ упоминаніяхъ индексовъ, или—обличителей.

Когда наивное средневѣковое благочестіе и, рядомъ съ нимъ, суровый пуризмъ гонителей смѣнились любопытствомъ, а затѣмъ и научнымъ вниманіемъ къ апокрифамъ, они были собраны уже въ XVI вѣкѣ протестантскимъ ученымъ Михаиломъ Неандеромъ въ 1564 г., издавшимъ нѣкоторыя апокрифическія книги (протоевангеліе Іакова). Въ началѣ XVIII в. ученый Фабрицій приготовилъ систематическое изданіе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ апокрифовъ, а въ настоящемъ столѣтіи на этомъ поприщѣ совершили болѣе или менѣе полные обзоры ученые: Гфрёреръ, Тишендорфъ, Тило, Минь, и друг. Изслѣдователи средневѣковой поэзіи, искусства и народной словесности открыли обиліе точекъ соприкосновенія между апокрифами и занимавшей ихъ областью предполагаемой языческой древности.

Русскіе изслѣдователи литературы, церковной исторіи и народной словесности, мало-по-малу, присоединились къ этому плодотворному и интересному изученію апокрифовъ. И они встрѣтили здѣсь обширное поле славяно-русской литературы, мало воздѣланное. Русская древность относилась не одинаково въ разное время къ отреченнымъ книгамъ. Если, въ самые первые вѣка христіанства на Руси, она уже получила отъ греческой церкви и южныхъ славянъ индексы возбраненныхъ книгъ, каковые дошли до насъ въ Изборникѣ 1073 г., въ Номоканонахъ, въ Тактиконѣ Никона Черногорца, распространенные позднѣе въ посланіяхъ пастырей, въ правилахъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ древнѣйшей русской письменности явились уже и апокрифическія сказанія въ лѣтописи (изъ хронографовъ и Палей), въ житіяхъ св. (изъ прологовъ и миней), въ паломничествахъ, въ сборникахъ, и т. п. Съ теченіемъ времени количество апокрифовъ все болѣе увеличивалось переводами и передѣлками съ греческаго и латинскаго языковъ. Сборники опредѣленнаго характера, Палеи, Златоусты, Измарагды, Торжественники, и смѣшаннаго, случайнаго соединенія статей, вмѣщали переводныя апокрифическія сочиненія; существовали многочисленные и отдѣльные сборники отреченныхъ книгъ. Несмотря на существованіе списковъ истинныхъ и ложныхъ книгъ въ древнерусской литературѣ даже образованные люди отличали только самые рѣзкіе примѣры противорѣчій въ апокрифахъ церковной истинѣ, особенно въ новыхъ переводахъ съ латинскаго языка; а старыя апокрифическія сказанія объ Адамѣ, крестномъ древѣ, Енохѣ, рождествѣ Богородицы, Іисуса Христа, его дѣтствѣ, страданіяхъ и т. п. принимали безъ всякой критики, несмотря на отсутствіе данныхъ для оправданія отклоненій отъ каноническихъ книгъ. Для простого духовенства съ древнѣйшихъ временъ были сомнительны многіе вопросы церковной обрядности (освященія нечистаго, призыванія исцѣленія, заклинанія и т. п.) и „худые номоканунцы“ съ ложными требами, молитвами—заклинаніями находили доступъ и въ эту среду. Закоснѣлые въ старинѣ раскольники еще болѣе восприняли апокрифическихъ сказаній. Пока не выяснена степень увлеченія апокрифами въ разныхъ слояхъ русскаго народа, и мы сдѣлали эти предварительныя замѣтки съ цѣлью отмѣтить связь апокрифической литературы съ жизненными вопросами древней и новой Руси. Обращаемся теперь

къ историческому обзору научнаго изученія апокрифовъ въ русской литературѣ, къ которому присоединимъ нѣсколько замѣчаній по новымъ матеріаламъ, между прочимъ, относящимся къ иконографіи, а также представимъ въ приложеніи новые тексты нѣкоторыхъ отреченныхъ книгъ по рукописямъ Кіевской Духовной Академіи. Не считаемъ себя въ правѣ называть именъ ученыхъ, которые съ рѣдкимъ вниманіемъ отнеслись въ доставленіи намъ матеріаловъ для предлагаемой работы.

I.

Критико-библіографическій обзоръ трудовъ по изученію апокрифовъ.

Первое научное опредѣленіе апокрифическихъ сочиненій, какъ и вообще многихъ явленій славяно-русской литературы, принадлежитъ *Востокову*, замѣтившему въ „Описаніи русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума“ 1842 г., объ отношеніи апокрифическихъ статей хронографа 1494 г., № 453, къ греческимъ подлинникамъ, напечатаннымъ у Фабриція въ сочиненіи: Codex pseudopigraphus Veteris Testamenti (завѣты 12-ти патріарховъ, стр. 726). Объ отношеніи къ греческимъ подлинникамъ Востоковъ замѣтилъ и по поводу статей объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ, какія были напечатаны ранѣе его, въ 20-хъ годахъ, Калайдовичемъ въ Іоаннѣ Экзархѣ и бар. Розенкампфомъ въ Обозрѣніи Кормчей книги. Далѣе, Востоковъ отмѣтилъ, что одна изъ этихъ статей относится уже къ XIV вѣку, ко времени Кипріяна митр. (717 стр.). Мало того, Востоковъ передалъ и содержаніе одного изъ апокрифическихъ разсказовъ о Соломонѣ и Китоврасѣ. *Шевыревъ* не понялъ значенія этихъ важныхъ замѣтокъ Востокова и въ своихъ лекціяхъ по исторіи русской словесности 1846 г. (2-ое изд. 1859 г.) посвятилъ нѣсколько строкъ „ложнымъ книгамъ“, приписавъ ихъ безъ всякаго разбору, по однимъ заглавіямъ, болгарскимъ богомиламъ. *Макарій* въ Исторіи русскаго раскола 1855 г. обратилъ вниманіе на апокрифическія сочиненія (стр. 17—19, 53, 127, 129): „къ обстоятельствамъ, говоритъ авторъ, содѣйствовавшимъ умноженію и усиленію раскольническихъ мнѣній въ первой половинѣ XVI в., относится … распространеніе подложныхъ и поврежденныхъ писаній. Писцы—невѣжды, по настроенію ли собственнаго ума, или по требованіямъ толпы, списывали разныя апо-

крифическія повѣсти и сказанія, исполненныя самыхъ нелѣпыхъ басенъ и суевѣрій,—и число такихъ книгъ въ XVI в. было уже чрезвычайно велико“. Слѣдуютъ ссылки на свидѣтельства Стоглава, по выдержкамъ у Карамзина, т. н. Кирилловой книги 1644 г., различнымъ рукописнымъ сборникамъ, и проч. Далѣе отмѣчаются ссылки Стоглава на праведнаго Еноха, требника патр. Іоасафа на еретика Еремѣя, попа Болгарскаго (который, будто бы, установилъ особый чинъ поповскаго погребенія), старыхъ служебниковъ на молитвы о бабѣ Саломіи, принимавшей Христа при рожденіи. „Говорить ли, замѣчаетъ м. Макарій (стр. 128—129), о разныхъ другихъ недостаткахъ въ старопечатныхъ книгахъ, уважаемыхъ нашими старообрядцами?.. Между молитвами „по рожденіи человѣчестѣмъ“ положены двѣ особыя молитвы „бабѣ, младенцѣ пріемшей“, въ которыхъ упоминается о какой-то Саломіи, будто-бы бывшей „бабою“ при рожденіи Спасителя. Въ первой изъ этихъ молитвъ допущено о Саломіи такое выраженіе: „… прославивый Матерь свою святымъ рождествомъ Ти, и благословивый Соломію, бабу свою, пріемшую тя во изходѣ твоемъ“…; въ послѣдней молитвѣ говорится еще страннѣе: „изволивый родитися въ вертепѣ отъ пречистыя безмужныя Матери и въ яслѣхъ полежавъ, и благословивъ пришедшую на увѣреніе честнаго дѣвства Соломію бабу“. Такимъ образомъ, ложныя сочиненія получили значеніе, какъ одна изъ слабыхъ опоръ послѣдователей древле-письменныхъ преданій. *Арх. Филаретъ* въ Обзорѣ Русской духовной литературы 1856 г. собралъ скудныя свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ апокрифическія и баснословныя сочиненія (§ 75).

Но только акад. *Сухомлиновъ* въ сочиненіи „О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“, 1856 г., впервые, по пути, указанному Востоковымъ, коснулся ветхозавѣтныхъ апокрифовъ изъ славянской Палеи, сравнительно съ греческимъ оригиналомъ, напечатаннымъ у Фабриція. Такими частными замѣтками было возбуждено въ русской наукѣ вниманіе къ апокрифамъ и, въ концѣ 50-хъ годовъ, почти одновременно, ими занялись самостоятельно и въ приложеніи къ русской народной словесности: Буслаевъ, Пыпинъ, Порфирьевъ, Тихонравовъ. Не имѣя подъ руками указаній на статьи Буслаева въ 50-хъ годахъ мы разсмотримъ ихъ въ сводномъ изданіи 1861 г. Замѣтимъ только, что спеціально на апокрифахъ ни Буслаевъ, ни Порфирьевъ (въ статьѣ 1858 г. „О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи“, Православный Собесѣдникъ, іюнь—іюль 1858 г.; въ

этой статьѣ авторъ только намѣчаетъ происхожденіе апокрифовъ, пользуясь индексомъ ихъ, 1) съ Востока въ первые вѣка Христіанства, 2) въ Болгаріи и 3) суевѣрныя сказанія чисто русскаго происхожденія и дѣлаетъ указаніе на то, что раскольники наши и до сихъ поръ читаютъ ихъ наряду съ книгами св. Писанія и писаніями отеческими) не останавливаются.

Только *г. Пыпинъ* впервые въ статьѣ „Древняя русская литература. I. Старинные апокрифы. II. Сказаніе о хожденіи Богородицы по мукамъ" (Отеч. Зап. 1857 г., ноябрь) посвятилъ апокрифамъ нѣсколько словъ. Пыпина же надо считать первымъ издателемъ апокрифической славяно-русской литературы и ея изслѣдователемъ. Мы замѣтимъ здѣсь вообще о дѣятельности этого выдающагося изслѣдователя популярной народной литературы, за которой онъ не перестаетъ слѣдить до настоящаго времени. Далѣе мы будемъ говорить только о самостоятельныхъ статьяхъ акад. Пыпина, оставляя въ сторонѣ его многочисленныя замѣтки по поводу изслѣдованія апокрифовъ въ текущей литературѣ, особенно въ трудахъ Веселовскаго, Ягича, и друг. Подготовляя свою большую работу „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ" 1858 г. Пыпинъ встрѣтился съ вопросомъ объ апокрифахъ и собралъ не только общія свѣдѣнія о нихъ, но и извлекъ изъ рукописей содержаніе апокрифическихъ сказаній. Въ разсматриваемой статьѣ Пыпинъ подробно разсмотрѣлъ хожденіе Богородицы по мукамъ, настолько подробно, что и теперь, исключая мелочей, почти нечего прибавить къ общимъ соображеніямъ автора объ этомъ т. н. популярномъ апокрифѣ. Не столь опредѣленны черты другихъ апокрифовъ, ихъ разграниченіе, ихъ подробности, и вся статья 1857 г. интересна, какъ первый опытъ указать историко-литературное значеніе славяно-русской апокрифической литературы. Авторъ и выставилъ это значеніе въ противовѣсъ послѣдователямъ миѳологической и т. н. эстетико-миѳологической теоріи объясненія русской народной словесности, хотя самъ и не остановился на сравненіяхъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на литературной исторіи апокрифовъ. Между тѣмъ, возникшій въ 1855 г., казанскій духовный журналъ „Православный Собесѣдникъ" обратилъ вниманіе на тексты отреченныхъ сочиненій, встрѣчавшіеся въ Соловецкой библіотекѣ, напримѣръ, индексы апокрифовъ, слова, основанныя на нихъ (Два слова о денноночной молитвѣ 1858 г. II). *Щаповъ* въ своемъ трудѣ „Русскій расколъ старообрядства" (Казань 1859 г.), по пути преосв. Макарія, коснулся и апокрифическихъ сочиненій, какъ одной изъ мутныхъ струй, влившихся въ воззрѣнія старообрядцевъ. Но объемъ и подробности апокрифовъ Щаповъ не могъ опредѣлить, включивъ ошибочнымъ образомъ въ число апокрифовъ мелочныя толкованія нѣкоторыхъ библейскихъ текстовъ, суевѣрныя замѣтки и т. п. Однако, индексъ ложныхъ книгъ, напечатанный имъ на стр. 449—453 по рукописи XVII в. обращаетъ на себя вниманіе и имъ воспользовались послѣдующіе изслѣдователи апокрифовъ. Отмѣтимъ теперь одно мѣсто, о которомъ еще скажемъ дальше въ чтеніи этого индекса: „еже Еремія попъ болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ навѣрзилошкому" [1]). Выдержки изъ отреченныхъ книгъ по соловецкимъ рукописямъ, приведенныя Щаповымъ въ сочиненіи о Расколѣ, касаются апокрифической бесѣды трехъ святителей, вопросовъ и отвѣтовъ, и проч.

Въ 1859 г. *Буслаевъ* въ актовой рѣчи „О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ" впервые напечаталъ тексты апокрифической бесѣды трехъ святителей по Синодальному Цвѣтнику 1665 г., а по другимъ рукописямъ XVII в. нѣсколько интересныхъ ложныхъ молитвъ, между которыми появились и извѣстныя сказанія о 12 Трясавицахъ, св. Сисиніѣ, нежитѣ. Въ объясненіи Бесѣды—Слова Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Григорія Богослова—Буслаевъ допустилъ, однако, болѣе объясненій съ точки зрѣнія миѳологіи, чѣмъ съ литературной точки зрѣнія. Такъ истолковалъ онъ духовные стихи о Голубиной книгѣ и Егоріѣ Храбромъ въ сопоставленіи съ Бесѣдой трехъ святителей, какъ космогоническіе миѳы, а ложныя молитвы и выдержки изъ переводныхъ Лѣчебниковъ и Травниковъ въ сопоставленіи съ народными заговорами, какъ древнѣйшія заклинанія. Между тѣмъ, авторъ, со свойственнымъ ему живымъ проникновеніемъ въ русскую древность, тутъ же отмѣтилъ любопытныя иконы и стѣнныя изображенія въ московскихъ церквахъ, напримѣръ, въ сельской церкви, въ Пушкинѣ, между Москвою и Троицкою Лаврою, передающія сюжеты ложныхъ сказаній о св. Сисиніѣ и 12 Трясавицахъ. Имѣя въ виду ниже подробно остановиться на этихъ апокрифическихъ иконахъ и изображеніяхъ приведемъ интересное описаніе, сдѣланное Буслае-

[1]) Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи, вып. I, 38 стр.: „былъ въ навѣхъ на Верзіуловѣ колу", „на верзиловѣ колу". Сначала объясняли это мѣсто тѣмъ, что Іеремія былъ оборотнемъ, волкодлакомъ; потомъ были предложены другія объясненія.

вымъ: „До конца XVII вѣка довольно распространено было въ нашей иконописи изображеніе *двѣнадцати Трясавицъ* или *Лихорадокъ*. Представлялись они въ видѣ обыкновенныхъ женщинъ, по бóльшей части, обнаженныя, только съ крыльями летучей мыши. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ, ясно опредѣляемый въ заговорахъ, живопись обозначала цвѣтомъ: одна Лихорадка вся бѣлаго цвѣта, другая желтаго, третья краснаго, синяго, зеленаго, и т. п. Въ XVII вѣкѣ, при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже благообразіемъ и нѣкоторою женственною прелестью, противорѣчающею символическимъ цвѣтамъ и мышинымъ крыльямъ. Изображеніе Трясавицъ составляетъ только часть полнаго живописнаго представленія, имѣющаго предметомъ побѣду Ангела Хранителя надъ этими демоническими существами, по молитвѣ св. Сисинія. Наверху въ облакахъ изображаются Ангелы, на пригоркѣ Сисиній, одинъ или съ двумя другими святыми, стоитъ на колѣняхъ и молится. Передъ нимъ, на особенномъ планѣ, стоитъ Ангелъ Хранитель и копьемъ поражаетъ Трясавицъ, которыя низвергаются въ яму подъ упомянутымъ пригоркомъ. Трясавицы падаютъ одна на другую, выражая свое пораженіе приложеніемъ правой руки къ щекѣ. Въ живописи XVII вѣка лица ихъ, впрочемъ, спокойны и довольно красивы, что придаетъ нѣкоторый символическій тонъ выраженію мысли" (40—41 стр.).

Знаменитые составители „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки" (Москва, 1859 года, II, 2) не обошли и сравненія славянорусскихъ апокрифовъ съ оригиналами: Апокрифическое сказаніе о происхожденіи древа крестнаго отъ трехъ древъ Северіана Гевальскаго и тоже преданіе у Фабриція, греческій текстъ (стр. 173); Слово отъ книгъ Еноха праведнаго, отличный отъ извѣстной книги по переводу съ Еѳіопскаго, въ другомъ сборникѣ эта же статья съ именемъ пресвитера Іереміи (626—627 стр.) перечетъ сокровенныхъ, т. е. апокрифическихъ книгъ по Изборнику 1073 г.; „о умученіи пана нашего Езуса Криста" и связь его съ Никодимовымъ Евангеліемъ (636 и д.).

Тихонравовъ, предпринявши въ 1859 году „Лѣтописи русской литературы и древности", посвятилъ много статей апокрифическимъ сказаніямъ. Буслаевъ, коснувшійся этихъ сказаній еще въ 1856 г. въ статьѣ о Горѣ-Злосчастьѣ, подробнѣе упомянулъ о нихъ и привелъ новые матеріалы въ I кн. „Лѣтописей" въ статьяхъ: „Русскія

народныя пѣсни, собранныя П. М. Якушкинымъ, съ предисловіемъ Ѳ. И. Буслаева". „Православный Собесѣдникъ", издаваемый при Казанской духовной академіи, 1858 годъ; статья первая: „Памятники древне-русской духовной письменности", „Замѣтки о старинѣ и народности". Въ первой статьѣ Буслаевъ отмѣтилъ нѣсколько народныхъ легендъ изъ собранія Якушкина отреченнаго апокрифическаго содержанія: сотвореніе міра, про Адама и Евгу, про Ноя и др. Въ „Замѣткахъ о старинѣ и народности" Буслаевъ отмѣтилъ интересную связь позднѣйшихъ Лѣчебниковъ съ Изборникомъ Святослава 1073 г. въ передачѣ „апокрифа", подъ названіемъ статьи о мѣсяцахъ по Римлянемъ о томъ, что въ какой мѣсяцъ можно дѣлать или ѣсть и пить и чего не дѣлать; далѣе стихъ Адама на русской миніатюрѣ XVI в., апокрифъ о погребеніи Авеля по лубошному изданію XVIII в. и народный стихъ апокрифическаго содержанія. Самъ Тихонравовъ напечаталъ текстъ Луцидаріуса и небольшое изслѣдованіе о немъ, въ которомъ указалъ время русскаго перевода (XVI в.), имя переводчика и оригиналъ (нѣмецкій). Къ статьѣ Буслаева по поводу пѣсенъ Якушкина Тихонравовъ добавилъ апокрифическое сказаніе „О ковчегѣ Ноевѣ" (стр. 158—160).

По поводу пѣсенъ, изданныхъ Якушкинымъ, Буслаевъ составилъ еще обширную статью, вошедшую въ 1 томъ Историческихъ Очерковъ Русской Народной Словесности и Искусства, 1861 г., подъ названіемъ „Русскій народный эпосъ", въ которой повторилъ сказанное въ Лѣтописяхъ Тихонравова. Еще болѣе замѣчаній по поводу апокрифическихъ сказаній заключается въ статьѣ I тома очерковъ „Русская поэзія XVII вѣка". Здѣсь отмѣчены и суевѣрныя, гадательныя примѣты и статьи отреченныхъ книгъ по новгородской Палеѣ XIV вѣка, по сборнику Григоровича XVI в., по Лицевой Библіи гр. Уварова и др. Поглощенный отыскиваніемъ связи между сказаніями и миніатюрами, Буслаевъ не обратилъ вниманія на изданіе текстовъ и ограничился пересказомъ апокрифическихъ сказаній, или небольшими выдержками изъ нихъ. Такъ, у него отмѣчены сказанія объ Адамѣ и о крестномъ древѣ, или, правильнѣе, о трехъ древахъ, о Соломонѣ и Китоврасѣ, о сказаніяхъ, слившихся съ Александріей, объ апостольскихъ обходахъ, о Хожденіи Богородицы по мукамъ, о пустынникѣ Макаріѣ Римскомъ, что три черньци нашли его, что двадесятъ поприщъ отъ него рай, о Евпатіевомъ мученіи, о вопросахъ и отвѣтахъ, о 12 пятницахъ, о недѣлѣ, о лживыхъ молитвахъ и проч.

Задачей Буслаева было, между прочимъ, установить по различнымъ признакамъ хронологію русскихъ апокрифовъ. Увлеченіе скандинавской миѳологіей и здѣсь не покинуло Буслаева. Вообще, многочисленныя и разнообразныя соображенія и свѣдѣнія автора знаменитыхъ Очерковъ какъ-то не подчинялись строгой воздержности въ научныхъ выводахъ и соединялись съ поэтическими увлеченіями, отчего онъ и не могъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на апокрифическихъ памятникахъ.

Въ приложеніи къ Православному Обозрѣнію 1860 г. (январь и мартъ) помѣщены: „Предисловіе къ переводу апокрифическихъ сказаній о жизни І. Христа и Его пречистой Матери“ *Преображенскаго* и „Сказаніе о рожденіи св. Богородицы и преславной матери І. Христа, Сказаніе о сошествіи І. Христа во адъ“ *Сергіевскаго*, подъ общимъ заглавіемъ „Памятниковъ древней христіанской письменности въ русскомъ переводѣ“ (т. І). Объемъ апокрифической литературы опредѣляется очень широко, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: бо́льшая часть этихъ еретическихъ апокрифовъ не сохранилась до нашего времени: иные извѣстны намъ лишь по своимъ именамъ или немногимъ словамъ, приводимымъ въ полемическихъ и историческихъ твореніяхъ отцовъ и учителей церковныхъ, и только очень немногіе изъ нихъ уцѣлѣли въ значительныхъ отрывкахъ или въ полномъ составѣ“ (4 стр.). Авторъ сообщилъ, что „болѣе подробныя свѣдѣнія о древнихъ славянскихъ переводахъ апокрифовъ будутъ представлены въ непродолжительномъ времени въ особой статьѣ, приготовляемой К. И. Невоструевымъ“ (7). Издатели перевода не преминули сообщить и о славянскихъ отношеніяхъ Первоевангелія Іакова къ церковнымъ службамъ (8 и 9 сент., 21 ноября, 9 и 25 дек.), къ поучительнымъ твореніямъ Іоанна Дамаскина, къ Минеямъ Макарія, Димитрія Ростовскаго и, наконецъ, къ славянскому переводу бо́льшей части Протоевангелія на славянскій языкъ по рук. XV в. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ не продолжался и ограничился неполнымъ Евангеліемъ Никодима безъ отношенія къ славяно-русскимъ рукописямъ. Поэтическія черты Протоевангелія Іакова, по разсматриваемому переводу, заслуживали бы вниманія историка русской литературы: Плачъ Анны, съ обращеніемъ къ птицамъ, къ звѣрямъ, къ водамъ, напоминаетъ плачъ Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Съ точнымъ, но детальнымъ изученіемъ апокрифическихъ сочиненій выступилъ въ началѣ 60-хъ годовъ акад. *Срезневскій*. Ему

принадлежитъ сопоставленія съ греческими текстами: Хожденія Богородицы по мукамъ (X т. Извѣстій второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, стр. 351—378), апокрифическихъ статей Сильвестровскаго сборника XIV в. (Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ 1860 г.) изъ Палеи, книгы откровенія Авраама, Посланія Пилата Понтійскаго къ Тиверію и др. Но Срезневскій не придавалъ особеннаго значенія этимъ произведеніямъ въ ряду сочиненій собственно русской письменности, что выразилось въ краткой замѣткѣ его по поводу 3-го выпуска Памятниковъ старинной русской литературы: „само собой разумѣется, что тотъ, кто захочетъ пользоваться этимъ источникомъ для объясненія нравственнаго состоянія древней Руси, будетъ имѣть въ виду и его чужое происхожденіе и малое количество русскихъ списковъ этихъ ложныхъ книгъ, и относительную маловажность ихъ вліянія на собственно русскую литературную дѣятельность“ (414 стр.).

Немногіе обратили вниманіе на интересную статью „Православнаго Собесѣдника“ 1861 г. (ч. І, стр. 249—283), подъ заглавіемъ: „Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ“. А между тѣмъ, въ этой статьѣ разобраны: Бесѣда трехъ святителей въ связи съ богомильствомъ, дуалистическое ученіе богомильства въ разсказѣ первоначальной лѣтописи о кудесникахъ (стр. 266,—что недавно подтверждено проф. Мочульскимъ, см. ниже) и въ старообрядческихъ „разглагольствованіяхъ“. Авторъ даетъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ апокрифахъ, которыя указываютъ на хорошее знакомство съ пособіями по греческимъ апокрифамъ и по славяно-русской литературѣ. Что статья эта мало кому была извѣстна (на нее впервые ссылается въ 1865 г., въ Опытѣ русской словесности, О. Миллеръ, 2 изд.; стр. 346), можно судить изъ того, что авторъ ея указываетъ Сборникъ Соловецкой библіотеки, въ которомъ заключаются: апокрифическое евангеліе Іакова (№ 807), отрывки изъ апокрифическаго евангелія Никодима (№ 889), сказанія о камняхъ и о ефудѣ Аарона, указанныя въ кодексѣ апокрифовъ Фабриція, евангеліе отъ Матѳея, видѣніе Исаіи и пр. (Сборникъ № 270, Измарагдъ).

Все, отмѣченное до сихъ поръ въ изученіи апокрифовъ, было только намекомъ на предстоявшія открытія въ этой области. Настоящее же изученіе отреченныхъ книгъ началось съ изданія ихъ Пыпинымъ и Тихонравовымъ въ 1862—63 гг. Въ „Лѣтописи Заня-

тій Археографической Комиссіи" (1862 г., вып. I, стр. 1—55) *Пыпинъ* помѣстилъ изслѣдованіе „Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ". Въ длинномъ рядѣ списковъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, начиная отъ переводной статьи Изборника 1073 г. до печатнаго текста 1786 г., по раскольничьему изданію Кирилловой книги проходятъ названія апокрифовъ (то въ видѣ заглавій книгъ, то съ краткой характеристикой ихъ содержанія, ихъ авторовъ и т. п.), суевѣрныхъ примѣтъ, гаданій, въ которыхъ приходится разобраться изслѣдователю отреченныхъ книгъ. И эта работа открытія соотвѣтствующихъ книгъ названіямъ индексовъ не закончена до сихъ поръ. Очень важной статьей среди этихъ индексовъ представляется 59 правило Лаодикійскаго собора, какъ оно пишется въ Погодинскомъ Номоканонѣ XIV вѣка, съ несомнѣнными славянскими прибавками, напримѣръ: „недугъ естьственный егоже трясавицами именують. Якоже баеть Еремия попъ болгарьскыи. Глаголеть бо оканный сице. Яко сѣдящу св. отцю Сисѣнію на горѣ Синаистѣи" и проч. Этому же Іеремiѣ попу приписываются ложныя писанія: „о древѣ крестнѣмь извѣщеніе св. Троици и о Господѣ нашемъ **І҃с Х҃ѣ**, како въ попы ставленъ". Пыпинъ обращаетъ вниманіе на характеристики ложныхъ писаній по индексамъ съ XIV в., какъ на несомнѣнный признакъ бытованія въ славяно-русской литературѣ описываемыхъ тѣми или другими признаками книгъ. Къ сожалѣнію, авторъ не могъ привести всѣхъ соотвѣтствующихъ греческихъ статей для славянскихъ индексовъ, напр., для отмѣченнаго 59 правила Лаодикійскаго собора, которое можно бы провѣрить по изданіямъ Питра и Брумса (см. цитаты по извѣстнымъ трудамъ проф. Павлова „Номоканонъ", изданія 1869 г., 1872 г., 1897 г.). Эту задачу, какъ увидимъ ниже, принялъ на себя акад. Ягичъ.

Въ 1862 г. впервые явились тексты „ложныхъ и отреченныхъ книгъ русской старины" въ Памятникахъ Старинной Русской Литературы, издаваемыхъ гр. *Кушелевымъ-Безбородко* (вып. III), подъ редакціей А. Н. Пыпина. „Въ настоящемъ изданіи, говоритъ въ предисловіи Пыпинъ, мы предположили напечатать небольшой рядъ этихъ памятниковъ съ необходимыми литературно-историческими объясненіями. Памятники извлечены изъ рукописей Публичной Библіотеки, Румянцевскаго Музея, Невской и Троицкой Лавры и пр., начиная съ XI в. и до новѣйшихъ народныхъ рукописей, въ которыхъ уцѣлѣла память старинной „отреченной литературы". Издатель указалъ

важность русскихъ списковъ отреченныхъ книгъ для возстановленія греческихъ, недошедшихъ до насъ, оригиналовъ, а отчасти и южно-славянскихъ. Много текстовъ извлечено изъ Румянцевской Палеи 1494 г., на которые указалъ впервые Востоковъ. Среди немногихъ гадательныхъ книгъ напечатаны „Рафли", и въ позднѣйшихъ изданіяхъ они уже не повторялись, исключая появившагося въ настоящемъ году спеціальнаго изслѣдованія. Изданіе это можно упрекнуть за отсутствіе разъясненій библіографическихъ и собственно историко-литературныхъ. Такой упрекъ былъ сдѣланъ *Тихонравовымъ* въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 г. (стр. 415—427) въ небольшой, но цѣнной критической замѣткѣ. Прежде всего Тихонравовъ замѣчаетъ о той критической осторожности, какая требуется при пользованіи индексами ложныхъ книгъ и при пріуроченіи сочиненій славяно-русской литературы къ названіямъ апокрифическихъ книгъ въ индексахъ. Переводныя съ греческаго статьи индексовъ представляютъ заглавія такихъ книгъ, которыхъ, вѣроятно, никогда не существовало въ славянскихъ переводахъ; невѣжество переписчиковъ, въ свою очередь, исказило непонятныя для нихъ названія многихъ отреченныхъ книгъ и затруднило возможность отыскать и оцѣнить памятники отреченной литературы, упомянутые въ индексѣ. Въ древней Руси, съ другой стороны, нѣкоторыя апокрифическія сочиненія пользовались и уваженіемъ: помѣщались въ церковныхъ правилахъ (номоканонахъ), старыхъ требникахъ, слѣдованныхъ псалтыряхъ, въ сборникахъ словъ и поученій, извѣстныхъ подъ именемъ „Златоустовъ" и проч. Пыпинъ отчасти руководствовался индексами, но ошибочно приписалъ ихъ указаніямъ несоотвѣтствующія статьи (Свитокъ изъ іерусалимской земли, подъ названіемъ Епистоліи о недѣлѣ, отрывки и извлеченія подъ именемъ книгъ), отчасти самостоятельно, безъ указанія индексовъ, извлекалъ изъ рукописей т. н. апокрифы (напр., Слово Адама во адѣ къ Лазарю, о пророкѣ Іеремiѣ, о 16 пророкахъ Псевдо-Епифанія, вопросы отъ Евангелія). Къ числу недостатковъ изданія Пыпина Тихонравовъ отнесъ „не только отсутствіе предварительной критики рукописей, которое заставило издателя принимать отрывки за цѣлое или присоединять къ ложнымъ статьямъ такія мѣста, которыя имъ совсѣмъ не принадлежатъ", но и игнорированіе палеографическихъ особенностей рукописей, ихъ ошибокъ, описокъ. Вообще, изданіе апокрифовъ, подъ редакціей Пыпина и Костомарова, требуетъ отъ изслѣдователя большой осторожности, такъ какъ далеко не

полно представляетъ смѣшеніе истинныхъ книгъ съ ложными, а послѣднія даетъ не въ ихъ настоящемъ видѣ.

Пыпинъ отвѣчалъ на эту замѣтку двумя обширными статьями 1862 г. въ Русскомъ Словѣ, подъ заглавіемъ: „Ложныя и отреченныя книги русской старины; объясненіе къ Памятникамъ древней русской литературы“, вып. 3. Въ этихъ статьяхъ авторъ, на основаніи общаго знакомства съ оригинальной апокрифической литературой, по трудамъ Фабриціуса, Миня и друг., отнесся критически къ ветхозавѣтнымъ апокрифамъ славяно-русской литературы. Въ самомъ понятіи объ апокрифѣ всетаки и здѣсь нѣтъ опредѣленности: „апокрифическія книги, говоритъ авторъ, мало отличаются по своему происхожденію отъ обыкновенной легенды; онѣ запрещались только потому, что въ нихъ раньше замѣчено было противорѣчіе съ вѣроятностями исторіи, и что онѣ касались слишкомъ извѣстныхъ религіозныхъ личностей“ (январь, Р. С. стр. 84). Поэтому авторъ и кладетъ въ основаніе изслѣдованія списки ложныхъ и отреченныхъ книгъ, опредѣляя въ общихъ чертахъ различную степень ложности и запретности книгъ по отсутствію ихъ въ установленномъ канонѣ священныхъ книгъ, или по связи съ ересями. Далѣе Пыпинъ указываетъ и отношеніе къ апокрифамъ разнаго рода гадательныхъ книгъ, предвѣщаній, снотолкованій, знаменій, примѣтъ и т. п. Наконецъ, отмѣчается и соединеніе съ апокрифами самостоятельныхъ русскихъ сказаній и повѣрій, даже игръ и праздниковъ. Не всѣ утвержденія Пыпина въ разсматриваемой статьѣ могутъ быть приняты теперь безъ повѣрки, не говоря уже о множествѣ памятниковъ апокрифической литературы, открытыхъ послѣ 1862 г.[1]). Однако, не надо забывать при этомъ, что упомянутые труды Пыпина были одними изъ первыхъ въ области славяно-русской и апокрифической литературы, и автору ихъ принадлежитъ честь открытія многихъ памятниковъ въ этой области. Къ общимъ воззрѣніямъ Пыпина на апокрифы надо отнести еще слѣдующія: несмотря на поздніе списки, въ которыхъ дошли до насъ славянскіе и русскіе апокрифы, они восходятъ къ глубокой

[1]) Таковы, напримѣръ, утвержденія автора (Русское Слово 1862 г., январь): 93 стр. никогда не существовали у насъ книги Асеневь, евангеліе отъ Ѳомы, 100 стр. западныя ложныя книги Рафли. Во второй статьѣ за февраль 1862 г., Русское Слово, Пыпинъ вообще отмѣчаетъ слѣдующія сочиненія, не встрѣчающіяся въ славяно-русской литературѣ: Книги Адамъ, Лобъ Адамль, Адамль завѣтъ, Ламехъ или Книги Ламеховы, Ельдадъ и Модадъ.

древности (далеко за XVI—XVII ст... до XI—XII в., стр. 103); по содержанію своему (бо́льшею частію символическаго происхожденія) это—миѳологія народной массы за цѣлый длинный періодъ древней Руси (популярное христіанство) и одна изъ формъ старообрядческихъ преданій и вѣрованій.

Переходя къ самымъ памятникамъ, изъ которыхъ Пыпинъ разсмотрѣлъ только ветхозавѣтные, онъ оправдывается противъ обвиненій Тихонравова и такъ характеризуетъ свое представленіе объ объемѣ апокрифической литературы. Статьи о ложныхъ книгахъ (старинныя славяно-русскія запрещенія) не могутъ служить мѣриломъ апокрифовъ, такъ какъ заключаютъ произведенія, неизвѣстныя въ нашей письменности и, наоборотъ, не представляютъ такихъ названій апокрифовъ, какія даетъ наша литература. Какъ историкъ культуры, а не теологъ, Пыпинъ и позволялъ себѣ ввести въ объемъ славяно-русской апокрифической литературы нѣсколько произведеній, не упоминаемыхъ въ индексахъ, а другія отнести къ апокрифамъ не по заглавію, а по внутреннимъ баснословнымъ признакамъ.

Въ обзорѣ отдѣльныхъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ Пыпинъ разсматриваетъ слѣдующіе: всего подробнѣе сказанія объ Адамѣ, Евѣ и ихъ потомкахъ (стр. 44—74, февраль 1862 г., Р. С.), затѣмъ Завѣты патріарховъ о Энохѣ, Ноѣ, Мельхиседекѣ, Авраамѣ (откровеніе). Передавая содержаніе доступныхъ рукописей, Пыпинъ касается и иноземныхъ соотвѣтствующихъ апокрифическихъ сказаній, въ особенности, для объясненія намековъ и краткихъ сказаній русскихъ рукописей. Не забываетъ авторъ и народныхъ сказаній, сходныхъ съ апокрифами. Таковы его сближенія разсказовъ и пѣсенъ о сотвореніи міра съ отреченными сказаніями и экскурсы въ область славянскаго богомильства.

Этихъ легендъ о міротвореніи и заклинательныхъ молитвъ касается въ своемъ трудѣ *Щаповъ*—„Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія (православнаго и старообрядческаго)“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1863 г., №№ 1, 3, 4, 6 и 7). Авторъ смотритъ на всѣ эти явленія только какъ на проявленія суевѣрія и странныхъ отступленій отъ истинныхъ взглядовъ естествознанія.

Отрывочны, не полны и, можно сказать, не ясны свѣдѣнія объ апокрифахъ въ первомъ научномъ трудѣ по „Исторіи Русской Словесности, древней и новой“ *Галахова* (1863 г., т. I, стр. 83—87).

Авторъ не могъ еще настоящимъ образомъ воспользоваться Историческими Очерками Буслаева, въ которыхъ разсмотрѣны ветхозавѣтные апокрифы. Галаховъ, кромѣ общихъ свѣдѣній, только и остановился съ нѣкоторымъ вниманіемъ на „Хожденіи Богородицы по мукамъ“.

Важнымъ явленіемъ въ литературѣ славяно-русской арокрифической литературы остаются до сихъ поръ прекрасно изданные, хотя и далеко незаконченные, „Памятники Отреченной Русской Литературы, собранные и изданные Николаемъ *Тихонравовымъ* [1]) (Приложеніе къ сочиненію „Отреченныя Книги древней Россіи“, 2 тома, Спб., Москва; 1863 г.). Если мы обратимся къ Предисловію этой книги, въ которой изданъ сводный индексъ—списокъ ложныхъ книгъ съ нѣкоторыми греческими указаніями, то сверхъ 52 названій, не считая варіантовъ, напечатанныхъ у Тихонравова русскихъ и славянскихъ апокрифовъ, недостаетъ еще слѣдующихъ статей по списку: *Адамъ, Адамль завѣтъ, Лобъ Адамль, Молитва Іосифова, *Асенеѳь, Моисеевъ завѣтъ, Елдатъ Мададъ, Псалмы Соломоновы, Пѣсни нѣкія Давидовы, Ильино обавленіе, Софоніино обавленіе, Захаріино обавленіе, *Исаино видѣніе, Составлени мірстіи псалми, *Іаковля повѣсть, Евангеліе отъ Варнавы, *Евангеліе отъ Ѳомы, Евангеліе отъ Матѳѣя, Варнавино посланіе, Петрово обавленіе, *Павлово обавленіе, Павлово дѣяніе, Ученіе Климентово, *Дѣтство Христово, Что приходили ко граду апостолы, *Что Христа въ попы ставили, Что Христосъ плугомъ оралъ, Игнатіево ученіе, Поликарпово ученіе, О мученицахъ и о благовѣщеніи, Поликарпово мученіе, Климентово мученіе, Что Провъ царь другомъ Христа назвалъ, *О бражникѣ, *О Акирѣ, Землемѣріе, Чаровникъ, *Метаніе, Мысленникъ, Сносудецъ, Волховникъ, Птичникъ, *Трепетникъ, Путникъ, Сонникъ, *Рафли, *Альманахъ и *Аристотелевы врата. Издатель указываетъ на бѣдность сербскихъ и болгарскихъ рукописей. По всей вѣроятности, тексты изданы безукоризненно и даже соблюдены не только всѣ особенности рукописей, но и употреблены различные шрифты для передачи старыхъ и позднихъ рукописей. Если бы издатель успѣлъ прибавить къ своимъ текстамъ необходимыя объясненія, указатели, то, безъ сомнѣнія, въ этомъ образцовомъ изданіи мы имѣли бы капитальный трудъ русской науки; но, къ сожалѣнію, и изъ бумагъ автора извлечены до сихъ поръ

---

[1]) Звѣздочкой отмѣчены сочиненія, изданныя послѣ появленія книги Тихонравова, въ 1862 г.

только три апокрифа, напечатанные въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ 1895 г.: Исаино видѣніе XII в., Паралипоменонъ Іереміинъ XII в., Вопросы къ Аврааму XVII в. Сверхъ того, въ первомъ томѣ Сочиненій Н. С. Тихонравова (1898 г., стр. 127—256) напечатана статья „Отреченныя книги древней Россіи“.

Въ 1864 г. по поводу „Калѣкъ Перехожихъ, Сборника стиховъ и изслѣдованія П. Безсонова“ (1861—1864 гг., 2 т.) въ 33 Присужденіи Демидовскихъ наградъ помѣщенъ разборъ *Тихонравова*, который представляетъ только общій обзоръ изданія, его достоинствъ и не касается вопросовъ объ апокрифахъ. Однако, стихъ о Голубиной Книгѣ разобранъ подробно въ связи съ апокрифическими вопросами и отвѣтами. Очень интересно объясненіе „Аламанки дѣвойки“ болгарскаго духовнаго стиха апокрифической Саломе, бабушкой Саломонидой. Сколько намъ извѣстно, въ рождественскихъ стихахъ не встрѣчается Саломіи, которая составляетъ непремѣнную принадлежность извѣстныхъ заговоровъ. Намъ нѣтъ необходимости касаться другихъ книжныхъ источниковъ духовныхъ стиховъ, такъ всесторонне разсмотрѣнныхъ Тихонравовымъ.

Также детально касается апокрифовъ и *Норовъ* въ изданіи „Путешествія игумена Даніила по святой землѣ, въ началѣ XII-го вѣка (1113—1115) издано Археографическою Коммиссіею, подъ редакціею А. С. Норова, съ его критическими замѣчаніями“, Спб. 1864 г. (стр. 82, 130, 133, 157, 172). Здѣсь впервые отмѣчены сравнительно съ греческими апокрифами упоминанія нашего перваго паломника о легендахъ, связанныхъ съ нѣкоторыми священными мѣстами Палестины: гдѣ видѣла Богородица однихъ людей смѣющихся, а другихъ плачущихъ, гдѣ совершена первая служба Мельхиседекомъ, гдѣ было первое благовѣщеніе у колодца, гдѣ скрылась Елизавеѳь. Апокрифы были новымъ явленіемъ не только для свѣтской литературы, но и для духовной. Въ 1864 году въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ (томъ IX) помѣщено „Обозрѣніе ветхо-завѣтныхъ апокрифовъ“ *Н. А. Лавровскаго* (309—372, 459—498). Авторъ прежде всего выставляетъ свой взглядъ на происхожденіе апокрифовъ, которые, бóльшею частію, обязаны Библіи, какъ источнику и первоначальному побужденію къ ихъ составленію, хотя, при этомъ, нѣкоторыя преданія могли существовать на Востокѣ и независимо отъ Библіи. Обозрѣніе начинается съ „Откровенія Авраама“, сохранившагося въ славяно-русскихъ Палеяхъ

XV в. и неизвѣстнаго по греческимъ рукописямъ, по славянскимъ и греческимъ индексамъ. Авторъ не только передаетъ содержаніе апокрифа, но и сопоставляетъ его съ многими соотвѣтствующими сказаніями объ Авраамѣ: Іосифа Флавія, повѣсти о Варлаамѣ и Іосафатѣ, еврейскихъ и мусульманскихъ сказаній, европейскихъ сказокъ (нѣмецкихъ, русскихъ). Также всесторонне разсмотрѣны и апокрифическіе „Завѣты двѣнадцати патріарховъ", „Исходъ Моисеевъ", „Повѣсть о плѣненіи Іерусалима". Мы не знаемъ, почему авторъ ограничился только этими сочиненіями и не продолжилъ своего цѣннаго труда. Цѣнность его представляется во множествѣ частныхъ выводовъ, вытекающихъ изъ разбора апокрифовъ. Такъ, г. Лавровскій первый указалъ на отношеніе Завѣта Іуды ко второй половинѣ поученія Владиміра Мономаха: „спостигохъ ланію, емь ю, сотворихъ обѣдъ отцу моему, говоритъ Іуда; серны имахъ спостизая, лва убивахъ,... дивіяго вепря гнавъ и варивъ и текохъ и разбихъ его"; также изображаются исполинскіе подвиги противъ царей, взятіе городовъ (стр. 347). Г. Лавровскому же принадлежитъ первое сопоставленіе Амемфіи или Мемфіи, жены Пентефрія, съ Амелфой Тимоѳеевной нашихъ былинъ, Аники стиховъ и пѣсенъ съ апокрифами объ Авраамѣ. Вообще, въ статьѣ г. Лавровскаго впервые замѣчается серіозное вниманіе къ содержанію апокрифовъ, къ ихъ литературной исторіи. Конечно, такому изученію много способствовали появившіеся около этого времени сборники былинъ и духовныхъ стиховъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Безсонова.

Въ 1865 г. *Пыпинъ* въ „Обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ" (Приложеніе къ „Всеобщей Исторіи Литературы I. Шерра") посвятилъ большой отдѣлъ „ложнымъ книгамъ" (62—80 стр.). Но разсмотрѣлъ ихъ только съ точки зрѣнія богомильства у болгаръ и сербовъ. Конечно, у него нѣтъ еще твердыхъ доказательствъ богомильскаго происхожденія апокрифовъ; но есть уже стремленіе разобраться въ частностяхъ: онъ упрекаетъ, напримѣръ, Буслаева за смѣшеніе „Вопросовъ Іоанна Богослова" съ „Бесѣдой трехъ святителей". Особенно подробно разсмотрѣны сказанія о твореніи міра и молитвы противъ Трясавицъ.

Посмотримъ теперь, въ какомъ объемѣ разсматриваются апокрифы въ трудахъ спеціалиста по изученію русской народной словесности Ореста *Миллера*: въ „Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности съ христоматіею (Христоматія къ Опыту, изд. 2-ое, дополн., ч. I, вып. 1, Спб. 1866 г.), ч. I, вып. 1, изд. 2-ое, передѣланное и дополненное тремя новыми главами", Спб. 1865 г. Въ самомъ незначительномъ детальномъ упоминаніи по поводу духовныхъ стиховъ и при томъ съ чужихъ словъ, съ ограниченіемъ въ пользу арійской народной миѳологіи—таковъ объемъ апокрифической литературы въ прекрасной книгѣ О. Миллера въ другихъ отношеніяхъ. То же самое отношеніе къ апокрифамъ видимъ и въ Христоматіи О. Миллера: 6 отрывковъ въ отдѣлахъ о духовной литературѣ (одинъ отрывокъ въ отдѣлѣ о Начальномъ Лѣтописцѣ и одинъ отрывокъ—въ отдѣлѣ о Даніилѣ Паломникѣ) и въ устной словесности.

Авторъ изслѣдованія о „Максимѣ Грекѣ" *В. С. Иконниковъ* (1865 г. Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9) касается апокрифовъ по поводу обличеній Максимомъ Сказанія Афродитіана и Луцидаріуса. Сводъ общихъ данныхъ сдѣланъ на основаніи предшественниковъ.

Въ „Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ" *И. Срезневскаго* 1867 г. (№№ XXXIV и XXXVIII) указаны важныя данныя для опредѣленія „Гадательныхъ Приписокъ къ пророческимъ книгамъ св. Писанія" и „Слово Іоанна Богослова въ спискѣ XII вѣка и въ другихъ болѣе позднихъ". Отмѣтивъ по лѣтописи обычай гаданія по Псалтири съ XI в., Срезневскій напечаталъ гадательныя приписки въ Толковой Псалтири XIV вѣка и свободное чтеніе Слова Іоанна Богослова по спискамъ XV—XVIII вв., съ отрывкомъ XII в. и съ греческимъ подлинникомъ.

Небольшая статья *Ундольскаго*—„Нѣсколько словъ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ и о суевѣріяхъ" (Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности, вып. II, 1868) дополняетъ свѣдѣнія объ индексахъ ложныхъ книгъ. „Что мы знаемъ о Мартолоѣ, Чаровникѣ, Коледникѣ, Мысленикѣ, Воронограѣ и т. д.? Подобнымъ розысканіямъ не положено еще и начала".

Въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" (1868 г., II, 395—415 стр.) помѣщено „Нѣсколько замѣчаній объ апокрифическихъ религіозныхъ сказаніяхъ" самаго популярнаго и легкаго содержанія.

Въ „Православномъ Собесѣдникѣ" 1869 г. *Порфирьевъ* помѣстилъ „Апокрифическія сочиненія въ древнерусской письменности", которыя въ переработкѣ вошли въ I т. его „Исторіи Русской Словесности" 1870 г., впервые поставившей на научную высоту вопросъ объ апокрифахъ. Опредѣляя общее значеніе апокрифовъ, авторъ вы-

ражается объ ихъ относительномъ достоинствѣ: „апокрифы замѣняли для древнерусскаго человѣка произведенія искусства поэтическаго, котораго въ древней словесности не было“. Порфирьеву же принадлежатъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1869 г. статьи о „Народныхъ духовныхъ стихахъ и легендахъ“.

Апокрифическія сказанія отмѣчены въ разныхъ мѣстахъ извѣстнаго труда *Андрея Попова* „Обзоръ хронографовъ русской редакціи“ (2 выпуска, 1866—1869).

Въ „Обзорѣ Хронографовъ русской редакціи“ Андрея *Попова*, 1869 г., отмѣчены апокрифическія статьи (второй выпускъ, стр. 78, 128, 140, 162—169) ветхозавѣтныя и новозавѣтныя, между прочимъ, о двухъ разбойникахъ, одинъ изъ которыхъ былъ еще въ дѣтствѣ питаемъ отъ сосцовъ св. Дѣвы, о страстяхъ Христа по Никодимову Евангелію, о бабѣ Соломеѣ на миніатюрѣ XVII в. при изображеніи Рождества Христова, объ Енохѣ. Большая часть апокрифическихъ сказаній въ Хронографахъ объясняется вліяніемъ Палеи.

Аѳанасьевъ въ большомъ трудѣ своемъ, посвященномъ миѳологіи„—Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ (3-й томъ, 1869 г., стр. 605 и д.), касается нѣкоторыхъ отреченныхъ или отметныхъ книгъ, напримѣръ, рафлей (605—625), громника, трепетника (и громникъ, и рафли, и трепетникъ возводятся къ греческимъ прототипамъ).

Хотя извѣстное изданіе „Великорусскихъ Заклинаній“—*Л. Майкова*, 1869 г., и представляетъ только матеріалы, но даетъ столько основаній для сближеній съ апокрифами, что я считаю возможнымъ остановиться на нихъ и въ критико-библіографическомъ обзорѣ, тѣмъ болѣе, что съ отдѣльными явленіями заговоровъ мы встрѣтимся въ нѣсколькихъ изслѣдованіяхъ. Нѣсколько большихъ заговоровъ о 12-ти трясавицахъ, нѣсколько упоминаній о бабушкѣ Соломоньюшкѣ, Соломоніѣ, Салманидѣ (31, 55, 67, 68), о книгѣ въ родѣ Голубиной (на семи горахъ на Сіонскихъ стоитъ великъ столбъ каменный; на тѣмъ на столбѣ каменномъ лежитъ книга запечатана, желѣзнымъ замкомъ заперта, золотымъ ключемъ замкнута... самимъ царемъ Соломономъ. 106—107 стр.), и друг., составляютъ матеріалъ, необходимый при заключеніи о значеніи апокрифовъ.

Небольшая статья *Некрасова* въ Филологическихъ Запискахъ 1870 г., вып. III „Замѣчанія по поводу русскаго народнаго сказанія о двѣнадцати пятницахъ“ (Къ вопросу о происхожденіи духовныхъ народныхъ стиховъ) касается только общаго вопроса, не останавливаясь на сравненіи съ коротенькимъ греческимъ текстомъ сказанія о 12-ти пятницахъ. Авторъ пытается возвести русскіе духовные стихи къ древнѣйшей эпохѣ (древнѣе XVI—XVII вв.) и различить ихъ источники западные, восточные и туземные.

Хотя статьи свящ. *Альбова* „Объ апокрифическихъ евангеліяхъ“ въ Христіанскомъ Чтеніи 1871—72 гг. (1871 г., январь, іюль, 1872 г. іюнь, іюль, августъ) не относится непосредственно къ славяно-русской литературѣ, представляя свѣдѣнія о греческихъ, арабскихъ и латинскихъ текстахъ апокрифическихъ евангелій Іакова, Ѳомы, Никодима, Псевдо-Матѳея и др., но мы упомянемъ здѣсь и о нихъ. Авторъ даетъ подробныя свѣдѣнія объ ученыхъ мнѣніяхъ и о содержаніи слѣдующихъ апокрифическихъ произведеній: первоевангеліе Іакова, евангеліе Ѳомы, евангеліе Псевдо-Матѳея о рожденіи Маріи, о дѣтствѣ Спасителя, Исторія Іосифа древодѣля, евангеліе Никодима. Статьи Альбова имѣютъ въ виду познакомить съ содержаніемъ апокрифическихъ евангелій, по личностямъ и событіямъ, изображеннымъ въ нихъ, безъ всякаго отношенія къ сроднымъ сюжетамъ въ другихъ областяхъ. Конечно, авторъ критикуетъ, главнымъ образомъ, недостовѣрность апокрифическихъ разсказовъ, или близость ихъ къ каноническимъ евангеліямъ и дѣяніямъ апостоловъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, благодаря трудамъ ученаго *Рачкаго* (Bogomili i Patareni въ Rad'ѣ jugoslavenske Akademije книги VII, VIII) о богомилахъ, въ русской наукѣ было обращено особенное вниманіе на сводъ данныхъ о сектѣ болгарскихъ богомиловъ и ихъ роли въ распространеніи апокрифической литературы. Таковъ, прежде всего, осторожный трудъ *Голубинскаго*—„Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей—болгарской и румынской“ 1871 г. Авторъ не вѣритъ въ широкое вліяніе и распространенность болгарскаго богомильства, даетъ сводъ ихъ вѣроученія и морали. Осторожно разсматриваетъ Голубинскій и сочиненія, приписываемыя богомиламъ, относя къ ихъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ трудамъ слѣдующія: о древѣ крестномъ, слова о злыхъ женахъ, о происхожденіи винокуренія, слово св. апостолъ Петра, Андрея, Матѳея и др., слово о Іисусѣ Христѣ и прѣніи съ дьяволомъ, болгарскую притчу о человѣкѣ и единорогѣ и посланіе (15) ап. Павла.

Ягичъ въ „Исторіи сербско-хорватской литературы“ 1871 г. (русскій переводъ) широко раздвигаетъ рамки дѣятельности и значенія богомиловъ, приписывая имъ и въ частности попу Іеремiѣ множество

апокрифовъ: заговоры—молитвы отъ трясавицъ, нежитей, вопросы и отвѣты отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ и др. Поэтому авторъ талантливо написаннаго труда по исторіи сербско-хорватской литературы отводитъ цѣлую главу „Іереміѣ попу Болгарскому и, такъ называемымъ, ложнымъ книгамъ“.

Въ русской литературѣ представителемъ богомильской теоріи и ея важнаго значенія въ исторіи средневѣковой славяно-русской литературы и народной словесности явился акад. *Веселовскій*. Уже въ статьѣ 1872 г. (Вѣстникъ Европы, апрѣль) „Калики перехожіе и богомильскіе странники“ акад. Веселовскій тѣсно связалъ апокрифы съ иновѣріемъ богомиловъ и тѣмъ положилъ начало разработки апокрифовъ, духовныхъ стиховъ и легендъ въ связи съ ересями и опыта возстановленія утраченныхъ книгъ еретиковъ, напр., вопросовъ и отвѣтовъ, въ родѣ Іоанновой книги. „Мы вообще склонны приписать вліянію богомиловъ большинство отреченныхъ книгъ, обращавшихся въ средніе вѣка, преимущественно переводныхъ. Эти еретики были всѣхъ болѣе распространены и глубже другихъ повліяли на средневѣковое общество (697 стр.)... Можно бы написать очень интересную страницу литературной исторіи, если бы избрать сюжетомъ литературное вліяніе средневѣковыхъ ересей... Нѣсколько столѣтій массы городского и сельскаго населенія на югѣ и востокѣ Европы находились подъ вліяніемъ богомильской проповѣди; она оставила слѣдъ въ его сказкахъ, въ его космогоническихъ легендахъ, которыя трудно помирить съ миѳическими представленіями, завѣщанными его языческой стариною“ (699—700 стр.). Кромѣ Книги Іоанна, къ числу богомильскихъ апокрифовъ Веселовскій относитъ: Видѣніе Исайи, Евангеліе Ѳомы, борьбу или препирательство Соломона съ Китоврасомъ, апологъ о правдѣ и кривдѣ и др. Здѣсь же авторъ разсматриваетъ духовный стихъ о Голубиной книгѣ, возводя его подробности къ книгѣ Іоанна, къ богомильскимъ воззрѣніямъ и толкуя Леванидовъ крестъ изъ райскаго дерева, выросшаго на Ливанѣ (по Готфриду изъ Витербо и др.), Ногу птицу изъ „неготъ-ноготь“ Палеи. Намеками авторъ пытается связать съ апокрифами и русскія былины о каликахъ перехожихъ, и друг.

Въ этомъ направленіи написана извѣстная книга акад. *Веселовскаго* 1872 г., подъ заглавіемъ „Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“. Съ изслѣдованіемъ Веселовскаго въ русской литературѣ впервые открыта была широкая область изученія международныхъ странствующихъ сказаній Востока и Запада. Изслѣдователь за европейскими сказками и преданіями открываетъ источники въ отдаленныхъ преданіяхъ мусульманъ, евреевъ, индѣйцевъ, опираясь на переводы, на литературныя отношенія народовъ и только за неимѣніемъ фактовъ допуская устную передачу въ эпохи живыхъ и бойкихъ отношеній народовъ Востока и Запада. Авторъ шелъ по пути, указанному уже въ западноевропейской литературѣ Я. Гриммомъ (указалъ восточное происхожденіе и содержаніе европейскихъ повѣстей о Соломонѣ), Либрехтомъ (открылъ буддистскіе Источники Варлаама и Іосафата). Такимъ образомъ, онъ сталъ на точку зрѣнія литературнаго заимствованія и съ сожалѣніемъ отмѣчалъ недоступные ему литературные источники даже въ области частныхъ посредствующихъ ступеней. Съ особенной силой авторъ отмѣтилъ посредствующее вліяніе дуалистическихъ ересей богомиловъ, оставившихъ глубокіе слѣды въ религіозныхъ представленіяхъ европейскихъ народовъ. Предубѣжденный противъ миѳологической теоріи, авторъ въ предисловіи высказалъ убѣжденіе о значительномъ вліяніи книжныхъ источниковъ въ формѣ легендъ и апокрифовъ на народную поэзію, даже на т. н. историческую, т. е. средневѣковыя поэмы, наши былины и пр. Къ числу общихъ воззрѣній автора на предметъ изслѣдованія относятся еще его указанія на важность славяно-русскихъ текстовъ апокрифовъ и легендъ для изученія средневѣковой европейской литературы вообще и для византійской въ частности (когда, напр., славянскіе тексты восполняютъ утраченные въ греческой литературѣ).

Изслѣдованіе сказаній о Соломонѣ расположено по генезису отъ древнѣйшихъ индѣйскихъ сказаній о Викрамадитьѣ и талмудическихъ сказаній о Соломонѣ, мусульманскихъ легендъ о немъ до европейскихъ сказаній и славянскихъ въ частности. Мы не будемъ входить во всѣ подробности этого сравнительнаго изслѣдованія, построеннаго искусно и въ общемъ и въ деталяхъ и отмѣтимъ только объясненія славянскихъ и русскихъ сказаній. Въ первыхъ главахъ, непосредственно въ связи съ индійской литературой, авторъ разсматриваетъ сравнительно новые тексты судовъ Соломона XVIII в. (по всей вѣроятности, пересказы старыхъ текстовъ въ стилѣ русскихъ сказокъ XVIII в.) и древнія притчи изъ Толковой Палеи, восходящія къ XIV в. Въ послѣднихъ находимъ сказанія о трехъ ларцахъ, о правдѣ

и кривдѣ, о неравномъ дѣлежѣ и др., причемъ приводятся многочисленныя параллели изъ средневѣковой и восточной литературъ. Установивъ восточное происхожденіе апокрифовъ о Соломонѣ (даже въ мусульманскихъ пересказахъ), Веселовскій отмѣчаетъ вліяніе народныхъ ересей (манихеевъ, павликіанъ, богомиловъ) на распространеніе апокрифовъ, какъ Книга св. Іоанна или славянскіе Вопросы Іоанна Богослова, сказанія о древѣ крестномъ, Видѣніе Исаіи, сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и др. Авторъ является послѣдователемъ теоріи литературнаго вліянія и ограничиваетъ предшествующія мнѣнія о передачѣ повѣствовательныхъ мотивовъ съ Востока на Западъ черезъ испанскихъ арабовъ, черезъ монголовъ изъ славянскихъ земель, во время крестовыхъ походовъ, черезъ паломниковъ (161 стр.). Веселовскій говоритъ о вліяніи апокрифовъ на былины, духовные стихи, заговоры и суевѣрія,—что едва ли не впервые такъ остроумно указано Н. А. Лавровскимъ въ вышеупомянутой статьѣ. Веселовскій отъ себя прибавляетъ подробный анализъ Голубиной книги. Конечно, это не подробное изслѣдованіе, а только бѣглое замѣчаніе, каковыхъ въ изслѣдованіи Веселовскаго встрѣчается не мало. Дальнѣйшее изслѣдованіе Соломоновскихъ сказаній у славянъ и русскихъ ведется у Веселовскаго въ связи съ русской народной словесностью и иностранной литературой. Эта мозаичная работа объясняется слѣдующимъ объясненіемъ автора: „я собралъ по крохамъ все, что можно было извлечь изъ извѣстныхъ мнѣ средневѣковыхъ памятниковъ для возстановленія утраченнаго состава соломоновскаго апокрифа“ (261 стр.).

Въ „Отчетѣ о 16 присужденіи наградъ графа Уварова“ (1874 г., 24—66 стр.) *Буслаевъ* помѣстилъ рецензію на сочиненіе Веселовскаго о Соломонѣ и Китоврасѣ. Прежде всего Буслаевъ оспариваетъ мнѣніе Веселовскаго о богомилахъ, какъ проводникахъ апокрифовъ или даже какъ о создателяхъ ихъ, указывая на епископа Іакова-а-Ворагине XIII в., который въ своемъ сборникѣ (Золотая Легенда) житій св. помѣщалъ и апокрифы, далѣе—на Исторію о Варлаамѣ и и Іоасафѣ царевичѣ, помѣщаемую въ нашихъ Минеяхъ и Прологахъ, какъ равно на апокрифическія евангелія, или сказанія о крестномъ древѣ. Конечно, ни генуэзскій епископъ Іаковъ-а-Ворагине, ни митр. Макарій XVI в. не могутъ быть заподозрѣны въ какомъ либо еретичествѣ. Отдавая должное труду Веселовскаго въ области и русской народности, Буслаевъ замѣчаетъ о методѣ: „не смотря на библіографическую и филологическую точность, которой уже по своему основному принципу придерживается теорія литературнаго заимствованія, все же въ приложеніи этой теоріи къ изучаемымъ фактамъ, т. е. въ самомъ методѣ, возможны нѣкоторыя колебанія, нѣкоторая нетвердость и даже неточность, частію по свойству изучаемаго предмета, частію и по недостаточности всѣхъ средствъ, необходимыхъ для полнаго его изученія. Сравнительная наука есть еще наука новая, въ которой еще недостаточно ясно опредѣлились ни матеріалъ, ни теоріи, ни методы. Требуетъ она совокупныхъ усилій самыхъ разнородныхъ спеціалистовъ, начиная отъ вѣдистовъ, гебраистовъ и оріенталистовъ вообще до кропотливыхъ изслѣдователей средневѣковыхъ рукописей и старопечатныхъ и народныхъ книгъ, латинскихъ, романскихъ, германскихъ или славянскихъ, начиная отъ археологовъ по доисторическимъ памятникамъ въ курганныхъ раскопкахъ до историковъ древне-христіанскаго искусства и ересей или народныхъ костюмовъ и всякой утвари,—отъ филологовъ по классической литературѣ и древностямъ, до собирателей народныхъ повѣрій, сказокъ, пѣсенъ и обычаевъ или до путешественниковъ и этнографовъ съ ихъ монографіями по быту дикарей Стараго и Новаго свѣта“ (58—59 стр.).

Въ 1872 г. явился важный трудъ по изученію ветхозавѣтныхъ апокрифовъ *И. Я. Порфирьева* „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“ (Казань, 1872 г.), основанный на трудахъ Фабриція, Гфрёрера, Миня, Тишендорфа, Дильмана, Гофмана и друг. Авторъ поставилъ своей задачей „изложить всѣ апокрифическія сказанія не только тѣ, которыя находятся въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, но и тѣ, которыя разсѣяны въ разныхъ книгахъ“ (стр. 4), напр., у христіанскихъ апологетовъ, христіанскихъ толкователей, лѣтописцевъ и историковъ, въ легендахъ евреевъ и мусульманъ, въ іудейскихъ книгахъ (Талмудъ, Каббала, Яшаръ). Это первый трудъ на русскомъ языкѣ, излагающій подробное содержаніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ съ объясненіемъ ихъ происхожденія и дальнѣйшаго развитія. Въ заключеніи книги авторъ свелъ свои выводы въ 11 положеній. Въ основѣ апокрифовъ лежатъ древнія преданія, которыя могли жить рядомъ съ записанными апокрифами. Древнѣйшій записанный апокрифъ—Книга Эноха (II в. до Р. Хр.), далѣе слѣдуютъ апокрифы конца II в. по Р. Хр. Но ранѣе ихъ у еврейскихъ толкователей Библіи встрѣчаются апокрифы, восходящіе къ глубокой древности. Преданіями этими пользовались хри-

стіанскіе писатели первыхъ вѣковъ, а запрещенія на нихъ были наложены только со времени усиленной борьбы съ ересями. Уже іудейскія сказанія окрасились персидскими преданіями со времени плѣна Вавилонскаго, а позднѣе—греческими. Исторія развитія апокрифа въ устномъ распространеніи и въ письменности, по мнѣнію Порфирьева, такова: „возникнувъ изъ отдѣльныхъ сказаній, образовавшихся первоначально въ народномъ преданіи, апокрифъ иногда снова раздроблялся на отдѣльныя сказанія, которыя становились источникомъ другихъ апокрифовъ, а иногда превращались въ народную сказку“ (308 стр.). Итакъ, самымъ важнымъ выводомъ автора является различіе между апокрифами — истинными религіозными преданіями и апокрифами, представляющими только подражательныя и подложныя сочиненія. Здѣсь авторъ, конечно, имѣетъ въ виду богословскую точку зрѣнія. Надо замѣтить, что въ книгѣ Порфирьева собраны, по возможности, всѣ апокрифическія сказанія, какихъ и не встрѣчается въ славяно-русской литературѣ. Въ сказаніяхъ, напр., объ Адамѣ и Евѣ находимъ и имя первой жены Адама, Лилитъ, и разсказъ объ ихъ разлукѣ, продолжавшейся 200 лѣтъ, о тѣлѣ Адама, перевезенномъ Ноемъ въ ковчегѣ. Порядокъ изложенія у Порфирьева хронологическій: послѣ общихъ замѣчаній объ апокрифахъ слѣдуютъ обзоры апокрифическихъ сказаній въ іудейской письменности (у Іосифа Флавія и др.), въ греческой и византійской церковной письменности (у Оригена, въ Палеѣ, въ хроникахъ Синкела, Кедрина и Глики и др.), въ славянской и, наконецъ, разсматриваются апокрифы: объ Адамѣ и Евѣ, Книга Эноха, Малое Бытіе, объ Авраамѣ, Завѣты 12 патріарховъ, Лѣствица Іакова, объ Асенеѳѣ, о Моисеѣ и пророкѣ Исаіи. Изслѣдованіе составлено съ большимъ вниманіемъ ко всевозможнымъ отношеніямъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ въ области древнерусской литературы и народной словесности. Подобныя замѣчанія разсѣяны по всей книгѣ. Порфирьевъ не упустилъ воспользоваться и новѣйшими изслѣдованіями Веселовскаго, о которыхъ мы только что говорили. Буслаевъ въ „Странствующихъ повѣстяхъ и разсказахъ“ (Русскій Вѣстникъ, т. X), отмѣтивъ достоинства труда Порфирьева, замѣтилъ, однако, что онъ „не входилъ въ подробности позднѣйшихъ передѣлокъ и варіантовъ этихъ сказаній на Западѣ и у насъ“ (стр. 673). Здѣсь же мы упомянемъ объ изданіи Порфирьева „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописамъ Соловецкой библіотеки“ (Сборникъ отд. Русскаго яз.

и Слов. И. Академіи Наукъ, т. XVII, № 1, 1877 г.). Издатель приложилъ подробное предисловіе, въ которомъ высказалъ такой взглядъ на распространеніе апокрифовъ у насъ: „они распространены были болѣе въ передѣлкахъ, чѣмъ въ подлинномъ видѣ, болѣе въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, чѣмъ въ полныхъ сочиненіяхъ,—были распространены болѣе апокрифическія сказанія, возникшія изъ апокрифовъ, чѣмъ самые апокрифы“ (2 стр.). Замѣчанія объ апокрифахъ изложены кратко, но съ интересными указаніями на источники. Тексты, представляющіе варіанты къ извѣстнымъ, или отрывки изъ полныхъ апокрифовъ, приведены по Палеѣ XVI—XVII вв., по Сборникамъ XVII—XVIII вв. На основаніи этихъ изслѣдованій подробно изложена глава объ „апокрифическихъ сочиненіяхъ“ въ Исторіи Русской Словесности Порфирьева I т., 1870 г. и въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Арх. Михаилъ въ статьяхъ „Библейская письменность, каноническая и апокрифическая“ (Чтенія въ Общ. Любит. Духовн. Просв. 1872 г. I—II вып.) и „Библейскій канонъ священныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ“ (тамъ же), не касаясь славяно-русской апокрифической литературы, далъ много общихъ свѣдѣній объ апокрифахъ и ихъ отношеніи къ каноническимъ книгамъ и къ канону ихъ.

Въ „Описаніи рукописей библіотеки А. И. Хлудова“, составленномъ Андреемъ *Поповымъ* (Москва, 1872 г.) и въ „Первомъ Прибавленіи къ описанію рукописей А. И. Хлудова“ (М. 1875 г.) изданы: „Чтеніе дѣтства Іс. Хва“ [въ Трефологіѣ или избранныхъ службахъ святымъ XIV в., сербск. письма]—апокрифическое евангеліе Ѳомы [подстрочныя примѣчанія, съ стр. 320, по греческ. и латинск. текстамъ; на стр. 326 замѣчено: „приведенное вполнѣ апокр. Евангеліе св. Ѳомы есть рѣдчайшій памятникъ славянской письменности, существенно дополняющій какъ греческія редакціи, такъ и латинскую“], „Мученіе св. Георгія“, „Слово св. Іоанна Богослова“—апокрифич. сказаніе о второмъ пришествіи Христовѣ; въ Торжественникѣ XIV в. „Житіе и дѣяніе св. отца Макарія Римлянина„—апокриф. сочин. о раѣ, „Паралипомена Іереміи“ (стр. 406—древнѣйшій списокъ), „Видѣніе пророка Исаіи“ (стр. 414: „памятникъ этотъ, приводимый вполнѣ... принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдчайшихъ и досѣлѣ неизвѣстныхъ въ славянскомъ переводѣ. Онъ восполняетъ пробѣлъ въ обще-европейской литературѣ апокрифовъ, и въ особенности важенъ въ исто-

ріи болгарскаго богомильства“), въ пергаменномъ сборникѣ XIV в. (Измарагдѣ, I-ое прибавленіе, № 30) „Слово Іеремѣя Прозвутера о древѣ честнѣмь по възвѣщеніи св. Троица и въ память Моисиеви“ (русскій списокъ, съ варіантами изъ болгарскаго; слово напечатано вполнѣ; въ немъ соединены слѣдующія статьи: слово о крестномъ знаменіи, о св. Троицѣ, о Христѣ, какъ его въ попы ставили, какъ Христосъ плугомъ оралъ, какъ Провъ Христа другомъ назвалъ); въ сборникѣ похвальныхъ словъ XVI в. „Слово св. Григорія Богослова о Крестѣ честнѣмъ Господа нашего... и о разбойническихъ крестѣхъ, како зачахуся“.

Въ изученіи новозавѣтныхъ апокрифовъ заслуживаетъ упоминанія статья *Смирнова* „Апокрифическія сказанія о Божьей Матери и дѣяніяхъ апостоловъ“ (Православное Обозрѣніе 1873 г., апрѣль).

Три статьи *Ѳ. М. Керенскаго* „Древне-русскія отреченныя вѣрованія“ и календарь Брюса (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1874 г., мартъ, апрѣль, май) составлены на основаніи печатныхъ работъ и отчасти по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Не прикрѣпляя изслѣдованія къ опредѣленнымъ памятникамъ, авторъ говоритъ вообще объ отреченной литературѣ, сопоставляя ея явленія съ греко-римскими суевѣріями. Здѣсь впервые пересмотрѣны народныя примѣты въ связи съ литературой, напр., съ Словомъ о П. И. Но по связи съ Брюсовымъ календаремъ авторъ болѣе всего останавливается на календарныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ. Ранѣе Керенскаго „Рафли“ были изданы Пыпинымъ въ Архивѣ Калачова.

Академикъ *Веселовскій*, продолжая изслѣдованіе апокрифовъ въ широкой области международнаго общенія, издалъ рядъ статей въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1875—77 гг., подъ названіемъ „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“. Отсылая читателя къ издаваемымъ ниже текстамъ, которые мы объясняемъ на основаніи статей Веселовскаго, замѣтимъ теперь о содержаніи статей. Въ первой статьѣ „Откровенія Меѳодія и византійско-германская императорская сага“ разсматриваются: легенда о послѣднемъ императорѣ, легенда о возвращающемся императорѣ, легенды о скрывающемся императорѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ работахъ извѣстнаго автора, привлекается множество сказаній для возстановленія ихъ связи и ихъ отношеній къ параллельнымъ сказаніямъ. Уже здѣсь Веселовскій останавливается на народномъ преданіи и былинахъ, связанныхъ съ Золотыми Воротами въ Кіевѣ, которое кладетъ позднѣе въ основу

своихъ изслѣдованій о Южнорусскихъ Былинахъ. Отъ этихъ разностороннихъ разысканій авторъ стремится къ широкимъ обобщеніямъ психологическаго характера. Всѣ остальныя статьи заняты изслѣдованіемъ „Берты, Анастасіи и Пятницы“, съ подраздѣленіями: Сивилла-Самовила—reine Pédauque: Берта, Эпистолія о недѣлѣ, Сонъ Богородицы и сводныя редакціи епистоліи, Сказаніе о 12 пятницахъ, Недѣля-Анастасія и Пятница-Параскева, Freiheit-Элевѳерій. Не отрицая миѳологическихъ основъ въ народныхъ сказаніяхъ, Веселовскій старается услѣдить взаимное отношеніе и апокрифовъ и отдѣльныхъ сказаній въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Такъ уже здѣсь онъ намѣчаетъ задачи дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованій о рождественскихъ колядкахъ, обрядахъ, о духовныхъ стихахъ. Ниже мы отмѣчаемъ различныя редакціи сказаній, установленныя Веселовскимъ.

„Толковая Палея“, затронутая изслѣдователями лѣтописи (Сухомлиновымъ), нашла подробное объясненіе въ трудѣ г. *Успенскаго* (Казань, 1876 г.), преимущественно на основаніи соловецкихъ рукописей, которыми ранѣе автора занимался Порфирьевъ. Шагъ за шагомъ авторъ слѣдитъ за сказаніями Палеи, отмѣчая ея источники, ея содержаніе, апокрифическія сказанія. Источниками Толковой Палеи являются: Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, толкованія блаж. Ѳеодорита Кирскаго, Василія Великаго, Ефрема Сирина и др. Авторъ поддерживаетъ извѣстный взглядъ на зависимость лѣтописной рѣчи философа-миссіонера съ апокрифическими сказаніями отъ Толковой Палеи (стр. 125). Онъ также не опускаетъ безъ вниманія вопроса о связи Палеи съ византійскими хрониками Малалы, Амартола, съ топографіей Козьмы Индикоплова. Разсматривая апокрифическія сочиненія въ Толковой Палеѣ Успенскій различаетъ апокрифы, извѣстные только по Толковой Палеѣ, отъ апокрифовъ, обращавшихся отдѣльно. Къ первымъ относятся такіе апокрифы, какъ: о паденіи сатаны, о смерти и погребеніи Авеля, о смерти и погребеніи Адама (ст. о сдѣяніи св. Троицы), о лѣствицѣ Іакова, и др.

По поводу этого труда проф. *Ждановъ* составилъ очеркъ о „Палеѣ“ (Кіевскія Университ. Изв. 1881 г., сент.—окт.), въ которомъ указалъ литературу предмета и предложилъ нѣсколько своихъ соображеній о Палеѣ. Авторъ не соглашается съ категорическимъ сужденіемъ Успенскаго о греческомъ византійскомъ происхожденіи Палеи, считая ее славянскимъ или русскимъ памятникомъ письменности.

Далѣе авторъ даетъ списокъ апокрифныхъ отдѣловъ Толковой Палеи съ указаніемъ на изданія и изслѣдованія палейныхъ текстовъ. Обобщая данныя изслѣдованія Успенскаго, Ждановъ относитъ время составленія Толковой Палеи къ IX—XI ст., видитъ слѣды ея вліянія въ лѣтописномъ сводѣ XII в. Онъ разсматриваетъ также и Палею историческую по изданію А. Попова, о чемъ скажемъ ниже. О трудѣ Успенскаго одинъ изъ современныхъ изслѣдователей Толк. Палеи замѣтилъ (Михайловъ: Варш. Унив. Изв. 1895, VII, 16), что онъ составленъ „по случайнымъ, немногимъ и довольно таки позднимъ спискамъ Соловецкой библіотеки“.

Въ 1878 и 1879 гг. Общество Любителей Древней Письменности издало „Житіе и Хожденіе Іоанна Богослова“ (XXIII вып.) и „Хожденіе по вознесеніи Господа... св. Апостола Іоанна, списано Прохоромъ изъ рукописи XV—XVI вв.“. Ранѣе это же житіе по другимъ болѣе древнимъ рукописямъ XII в. и позднѣе издано Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ XXXVIII и LXXIV. Уже Срезневскій назвалъ это житіе апокрифическимъ: „апокрифическія житія святыхъ въ глаголическихъ спискахъ“ (кромѣ житія Іоанна Богослова здѣсь издано и житіе великомученицы Ѳеклы). Въ Памятникахъ Древней Письменности 1879 г. (вып. IV, 97 стр и д.) напечатаны „Варіанты къ хожденію св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова“.

А. Поповъ въ „Библіографическихъ Матеріалахъ“ 1879 г. (Чтенія Общ. Ист. и Древн.) напечаталъ: „Слово объ успеніи Пресв. Богородицы въ юго-славянскомъ и русскомъ изводахъ“, апокрифическую „Книгу Эноха“ по южно-русскому Сборнику 1679 г. Первое слово, въ отрывкѣ изданное Срезневскимъ, относится къ древнему времени; на основаніи его составлено другое слово: Іоанна Солунскаго, изданное въ славянскомъ переводѣ по сп. XIV в. Отрывки изъ Книгъ Эноха Праведнаго извѣстны были въ отрывкахъ XIV в., но полный текстъ впервые явился только въ изданіи Андрея Попова.

Мы не будемъ касаться здѣсь замѣчаній Тихонравова объ апокрифахъ, высказанныхъ въ рецензіи 1878 г. на книгу Галахова— Исторію русской словесности, откладывая обзоръ мнѣній Тихонравова объ апокрифахъ и отреченныхъ книгахъ до изданныхъ въ 1898 году сочиненій Н. С. Тихонравова.

Въ Тулѣ 1879 г. появилась работа г. *Сахарова* „Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и вліяніе

ихъ на народные духовные стихи“, начало которой печаталось въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1879 г. Она не содержитъ полнаго изслѣдованія предмета, бѣдна фактами и болѣе относится къ церковно-исторической литературѣ, чѣмъ собственно къ апокрифической, изъ которой разсмотрѣны немногіе памятники: Хожденіе Богородицы по мукамъ, Видѣніе ап. Павла, Вопросы Іоанна Богослова и друг. Нѣсколько замѣчаній объ отношеніи къ греческимъ текстамъ и къ духовнымъ стихамъ разсматриваемыхъ апокрифовъ исчерпываютъ предметъ изслѣдованія. Все остальное относится къ числу общихъ разсужденій и къ памятникамъ, неподходящимъ подъ понятіе объ апокрифѣ.

Въ противоположность неопредѣленности общаго изслѣдованія апокрифовъ въ 1872 г. явилась работа проф. *Кирпичникова*, посвященная всестороннему сравнительному изученію одного сюжета „Св. Георгій и Егорій Храбрый; изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды“. Авторъ впервые свелъ всю литературу по изученію греческихъ, латинскихъ, славянскихъ и другихъ восточныхъ и западныхъ текстовъ и сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ обобщеній, выраженныхъ въ 10 положеніяхъ. Три греческихъ византійскихъ редакціи житія Георгія, независимыя отъ предполагаемыхъ иранскихъ источниковъ (теоріи Гутшмида, Бэринъ-Гуда и др.), лежатъ въ основѣ всѣхъ восточныхъ и западныхъ сказаній о Георгіѣ. Однако, проф. Кирпичниковъ не нашелъ „такого житія и такого чуда о зміи, которыя заключали бы въ себѣ всѣ или значительнѣйшія прибавки, встрѣчающіяся въ духовныхъ стихахъ о Егоріи“ (III стр. Предисловія). Насколько основательно разработанъ вопросъ о текстахъ житія св. Георгія вообще, и апокрифическихъ версій его въ особенности въ разсматриваемой книгѣ, можно судить изъ того, что подъ руками изслѣдователя находилось до 200 славянскихъ текстовъ, не считая греческихъ и другихъ.

Одна изъ редакцій житія Георгія съ мученіями извѣстна только по славянскимъ текстамъ (стр. 34), хотя и переведена съ греческаго. Авторъ внесъ въ свое изслѣдованіе и факты иконографіи (Погодинская икона XIII в. житія Георгія, вліяніе иконъ на заговоры, 148 стр.). Съ методомъ автора и его положеніями можно ознакомиться по слѣдующимъ выводамъ: „Имя Георгія, одного изъ сирійскихъ, судя по первымъ и знаменитѣйшимъ впослѣдствіи храмамъ, мучениковъ не Деоклетіанова, а, вѣроятно, болѣе ранняго гоненія,

принадлежитъ исторіи; по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, онъ выдвинулся изъ ряда другихъ сомучениковъ и во время синкретизма привлекъ на себя часть культа персоримскаго Митры. Это обстоятельство было причиною дальнѣйшаго распространенія его славы и дало направленіе не только развитію его культа, но и литературной обработкѣ легенды. Пріуроченный къ годовому весеннему празднику, извѣстному по всей Римской имперіи, Георгій сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ святыхъ, и въ сознаніи полуязыческаго народа принялъ на себя аттрибуты нѣсколькихъ солнечныхъ божествъ" (116 стр.); „св. Георгій быстро популяризировавшійся на Руси, сталъ богомъ весны, покровителемъ земледѣлія, и особенно скотоводства, и при этомъ притянулъ къ себѣ черты, вѣроятно, нѣсколькихъ свѣтлыхъ и благодѣтельныхъ человѣчеству божествъ, которыхъ мы точнѣе опредѣлить не въ состояніи" (153 стр.). Работа проф. Кирпичникова вызвала обширную статью акад. Веселовскаго (Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, II: св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ), въ которой критикъ отмѣтилъ недостатки методологическаго характера и присоединилъ нѣсколько новыхъ наблюденій по исторіи текстовъ и культа св. Георгія, напр., на Кавказѣ. Еще точнѣе критикъ старался отмѣтить особенности народныхъ воззрѣній на Георгія въ обрядѣ, въ пѣснѣ, въ легендѣ. Въ приложеніи Веселовскій напечаталъ славянскіе (XIV в. мученіе св. Георгія и чудо его съ дѣвицей и дракономъ), греческіе и латинскіе тексты.

Проф. Кирпичникову принадлежитъ большой отдѣлъ о духовныхъ стихахъ въ „Исторіи русской словесности" Галахова, т. I, 2 изд., 1880 г. (стр. 194—281). Замѣтимъ, что предшествующій отдѣлъ объ апокрифахъ и въ новомъ изданіи книги Галахова разработанъ слабѣе, чѣмъ въ извѣстномъ трудѣ Порфирьева. Для учебника отдѣлъ о духовныхъ стихахъ разработанъ подробно и основательно. Конечно, послѣдующія изслѣдованія много прибавили къ этому въ частностяхъ. Повидимому, работа Сахарова осталась неизвѣстной автору (стихи о страшномъ судѣ и плачъ Адама изъ стихиры). Главной задачей автора является указаніе „Источниковъ духовныхъ стиховъ",—что еще ранѣе подъ такимъ заглавіемъ явилось въ журнальной статьѣ, по поводу нѣкоторыхъ стиховъ (Ж. М. Н. Пр.). Конечно, авторъ далъ подробный разборъ стиха о Егоріѣ съ нѣкоторыми дополненіями къ упомянутому изслѣдованію.

Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ 1881 г. (кн. I) издана *А. Поповымъ* „Книга Бытія небеси и земли. Палея Историческая, съ приложеніемъ Сокращенной Палеи Русской редакціи". Авторъ въ предисловіи, по пути Горскаго и Невоструева, впервые указавшихъ греческій источникъ Исторической Палеи въ Вѣнской рукописи, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Теперь мы имѣемъ уже полный текстъ греческой Исторической Палеи въ изданіи Васильева „Anecdota graeco-Byzantina" (Ученыя Записки Московскаго Университета 1893 года, отдѣлъ историко-филологическій, вып. XI).

Въ изслѣдованіи „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи" (1881 г.) проф. Ждановъ приводитъ апокрифы о Самсонѣ, Моисеѣ, Ааронѣ и друг. въ связи съ былинами о Святогорѣ, Самсонѣ.

Списки апокрифическихъ сочиненій, славянскіе переводы которыхъ относятся или къ русской старинѣ, или къ славянскому югу, отмѣчены въ Исторіи Русской Церкви Голубинскаго и въ самомъ полномъ видѣ въ „Исторіи Литературы у Южныхъ Славянъ" (лекціи, читанныя проф. Ватрославомъ Ягичемъ въ 1882—83 гг. въ Петербургѣ, литографированныя) акад. Ягича.

Апокрифическія „сказанія о житіи Дѣвы Маріи, ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ" разсмотрѣны въ статьѣ проф. Кирпичникова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1883 г., іюль) въ связи съ апокрифическими евангеліями, причемъ изъ славянскихъ текстовъ отмѣчено нѣсколько выдержекъ. Апокрифы служатъ объясненіемъ русской народной словесности въ трудѣ *Алексѣя Попова*, подъ названіемъ „Вліяніе церковнаго ученія и древнерусской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и въ частности на народную словесность въ древній Допетровскій періодъ" (Казань, 1883 г.). Апокрифическіи сказанія о Соломонѣ пересказаны въ рѣчи казанскаго проф. *Я. Богородскаго* „Соломонъ внѣ-библейскій" 1884 г. (Годичный актъ въ Казанской Духовной Академіи).

Въ маленькой брошюркѣ *Ом. Калитовскаго* (Библіотека „Зорѣ", Львовъ, 1884 г.) „Матеріялы до русской литературы апокрифичной" напечатаны, по сборнику библіотеки Оссолинскихъ, слѣдующія сочиненія (проповѣди): Казаня на Рождество Христово, Казане на Соборъ Пресвятой Богородице, Казане на Богоявленіе Господне (о днехъ послѣднихъ), „Исторія о женѣ Майдонѣ царици безбожной и

бестияльной", „Повесть о трех юношах царех братиях родних", „Рація о цари Михаилѣ, како будеть царем тритцат лѣтъ", „О царствѣ антихристовѣ и днех послѣдних", наука о пчелах св. Зосима, Наука о щупацѣ, Молитва отъ уроковъ надъ пчелами. Помѣщенныя въ этомъ изданіи сочиненія содержатъ апокрифическія подробности объ Адамѣ и Евѣ, о рождествѣ Христа (по сказанію Афродитіана), выдержки изъ Меѳодія Патарскаго и друг. См. статью проф. Соболевскаго по поводу этой книжки въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г., сентябрь.

Послѣ мелкихъ статей переходимъ къ обзору работъ одного изъ выдающихся изслѣдователей въ области апокрифической литературы, о которомъ мы уже говорили выше, акад. А. Н. Веселовскаго „Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ". Первые выпуски Разысканій 1879—80 гг. посвящены апокрифамъ о св. Ѳеодорѣ и св. Георгіѣ, о чемъ мы уже говорили выше. Въ 1881 г. авторъ продолжалъ разысканія: объ алатырѣ въ мѣстныхъ преданіяхъ Палестины и легенды о Гралѣ, Соаѣ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихѣ о Голубиной Книгѣ, новыя данныя къ исторіи Соломоновскихъ сказаній. Въ первыхъ двухъ статьяхъ Веселовскій даетъ объясненія нѣкоторыхъ загадочныхъ подробностей духовныхъ стиховъ и былинъ (о Василіѣ Буслаевичѣ) при помощи сказаній о сіонскихъ святыняхъ (между прочимъ и нашихъ путешественниковъ). Въ слѣдующихъ выпускахъ авторъ продолжалъ разбирать духовные сюжеты въ литературѣ и народной поэзіи румынъ (сказанія о трясавицахъ), румынскія, славянскія и греческія коляды и проч., христіанскіе мотивы колядокъ, западныя легенды о древѣ креста и Слово Григорія о трехъ крестныхъ древахъ. Послѣдняя статья всецѣло относится къ апокрифамъ. Здѣсь авторъ разъясняетъ подробности славянскихъ сказаній о древахъ греческими, латинскими и другими сказаніями. Мы упомянемъ здѣсь для связи и о „Разысканіяхъ" 1889 г. (вып. 5-ый), въ которыхъ непосредственно къ апокрифамъ относятся слѣдующія статьи: дуалистическія повѣрья о мірозданіи, Амфилогъ-Evalach въ легендѣ о св. Гралѣ. Нѣкоторыя дополненія къ своимъ статьямъ и изслѣдованіямъ Веселовскій далъ еще въ „Замѣткахъ по литературѣ и народной словесности" 1883 г.

Вопросъ о палестинскихъ апокрифахъ, разработанный акад. Веселовскимъ, вошелъ также въ книгу *М. А. Веневитинова* „Житье и Хоженье Данила русьскыя земли игумена 1106—1107 гг." (Спб. 1885 г.) и по поводу изданія Хоженія архимандрита Греѳенья во св. Землю" 1884 г. и др., снова пересмотрѣнъ акад. Веселовскимъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г., май: „Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ". Здѣсь отмѣчены сказанія о Вѣчномъ Жидѣ, египетскія преданія о житницахъ Іосифа и проч. Авторъ такъ смотритъ на образованіе легендъ: „къ тому, что онъ (средневѣковой паломникъ) слышалъ на мѣстѣ отъ словоохотливыхъ вожаковъ или набожныхъ монаховъ, его издавна приготовило чтеніе въ области легендъ, апокрифическихъ разсказовъ и древнихъ хожденій. Читанное и усвоенное смѣшивалось въ немъ съ слышаннымъ и видѣннымъ на мѣстѣ, такъ что трудно бываетъ выдѣлить одно отъ другого" (стр. 171).

Е. В. Барсовъ затронулъ въ 1885 г. (Журн. Мин. Нар. Пр., декабрь) интересный вопросъ „О воздѣйствіи апокрифовъ на обрядъ и иконопись", въ связи съ апокрифическими евангеліями.

А. Н. Веселовскій въ 1886 г. (Журн. Мин. Нар. Пр., іюнь) въ „Замѣткахъ къ исторіи апокрифовъ" далъ дополненія къ своимъ предыдущимъ работамъ по новымъ матеріаламъ: „Еще нѣсколько данныхъ для молитвы св. Сисинія отъ трясавицъ", „Рафли", „Къ легендамъ о Соломонѣ". Не будемъ говорить о Рафляхъ, которые разсмотрѣны въ работѣ проф. Сперанскаго, о чемъ еще ниже.

Стремленіе къ всестороннему изученію отдѣльныхъ проявленій апокрифовъ выразилось въ трудѣ проф. *Мочульскаго* „Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ" (Варшава, 1887 г.). Авторъ имѣлъ нѣсколько предшественниковъ разныхъ направленій (по его опредѣленію, „идеальнаго"=миѳологическаго и символическаго, „срединнаго"=придерживающагося теоріи воздѣйствія книгъ и „реальнаго"=опирающагося на теоріи международныхъ отношеній) по объясненію стиха о Голубиной книгѣ, причемъ главные источники и пріемы изученія были уже опредѣлены. Такимъ образомъ, автору предстояло пересмотрѣть весь матеріалъ и изучить его по всѣмъ указаннымъ направленіямъ,—что онъ и исполнилъ, придерживаясь по преимуществу новѣйшаго направленія — теоріи заимствованія. Шагъ за шагомъ авторъ слѣдитъ за происхожденіемъ подробностей стиха (напр., о первенствѣ предметовъ и лицъ), входя въ изученіе и самыхъ объясненій. Отсюда онъ останавливается на апокрифахъ, на „Бесѣдѣ трехъ святителей" (въ приложеніи къ труду напечатаны 3 новыхъ списка), какъ главномъ источникѣ стиха, и пр. Авторъ не

только дополняетъ выводы своихъ предшественниковъ, но и дѣлаетъ поправки, напр.: объ отношеніи т. н. Іерусалимской Бесѣды къ стиху о Голубиной книгѣ, считая Бесѣду книжнымъ пересказомъ стиха. Академическій критикъ г. Мочульскаго, Порфирьевъ (Разборъ въ Отчетѣ о 31 присужденіи наградъ графа Уварова, 1890 г.), отмѣтивъ достоинства его книги, обратилъ вниманіе на невѣрныя заключенія, на предположенія мало обоснованныя. Такъ авторъ не обратилъ вниманія на народные элементы стиха о Голубиной книгѣ, увлекшись его книжными источниками и допустилъ такія преувеличенныя догадки, какъ предположеніе объ апокрифической Библіи въ древней Руси, объ апокрифической „Книгѣ Бытія“. Первой онъ назвалъ Бесѣду трехъ святителей, а второй — одинъ изъ предполагаемыхъ источниковъ Бесѣды. По пути акад. Веселовскаго авторъ предполагаетъ участіе въ созданіи апокрифовъ Бесѣды и друг.— еретиковъ богомиловъ и друг. Проф. Сумцовъ въ ряду своихъ изслѣдованій по народной словесности, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ 1887 г. (іюнь—іюль, сентябрь, ноябрь), посвятилъ и апокрифамъ „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“. О своихъ предшественникахъ онъ выразился слѣдующимъ образомъ: „въ послѣднее десятилѣтіе галицко-русскіе ученые, Вахнянинъ, Калужняцкій, Калитовскій, Франко, Ом. Огоновскій во Львовѣ, Перемышлѣ, Дрогобичѣ въ общественныхъ библіотекахъ и у частныхъ лицъ нашли нѣсколько любопытныхъ апокрифовъ и издали ихъ. Такъ, Калужняцкій въ 1877 г. указалъ на своеобразное „Слово о сотвореніи неба и земли“, „Сказанія царя Анфилога“ и нѣкоторые другіе любопытные, не вошедшіе въ сборники Пыпина, Тихонравова и Порфирьева апокрифы, сохранившіеся въ одномъ рукописномъ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря. Г. Калитовскій въ 1884 г. издалъ „Матеріалы до словесности апокрифичной“, куда вошли весьма важныя въ историко-литературномъ отношеніи апокрифическія сказанія объ Адамѣ и Евѣ, о Благовѣщеніи, звѣздѣ пр. Богородицы, Рождествѣ Іисуса Христа, женѣ Майдонѣ и кончинѣ міра. Часть этихъ апокрифовъ, именно апокрифы о Майдонѣ, антихристѣ, трехъ юношахъ царяхъ и кончинѣ міра еще ранѣе, въ 1881 г. были изданы Макушевымъ въ сентябрьской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр. Г. Франко въ № 9 „Зори“ 1886 г. указалъ на небольшой Дрогобицкій сборникъ апокрифическихъ сказаній конца XVIII ст., заключающій въ себѣ отрывокъ сказанія о томъ, какъ Давидъ писалъ псалмы, сказаніе объ Адамѣ и Евѣ, отрывокъ сказанія о Самсонѣ и т. наз. Листъ небесный, или Епистолію о недѣлѣ. Проф. О. Огоновскій въ первомъ томѣ „Исторіи литературы русской“ указываетъ еще на Катехизисъ 1713 г., изложенный въ формѣ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя, въ родѣ извѣстнаго Луцидаріуса. Ученикъ спрашиваетъ: на чемъ земля стоитъ? Гдѣ находится рай? Почему нельзя дойти до рая?—и получаетъ соотвѣтствующіе отвѣты отъ учителя. Проф. Огоновскій усматриваетъ въ галицкихъ апокрифахъ много элементовъ простой разговорной рѣчи и полагаетъ потому, что апокрифы эти были читаемы не только въ панскихъ дворахъ, но и въ мужицкихъ хатахъ“. Проф. Сумцовъ разсматриваетъ преимущественно отраженіе апокрифовъ въ народной словесности, не вдаваясь въ вопросы о древности текстовъ, объ отличіи южныхъ списковъ отъ сѣверныхъ. Собственно, кромѣ апокрифовъ, авторъ вводитъ въ изслѣдованіе и легенды о св. Николаѣ, о страшномъ судѣ, о грѣшной душѣ и проч.

Подробное изслѣдованіе и переводъ книги Еноха далъ священникъ Смирновъ въ Православномъ Собесѣдникѣ (за 1888 г.), но опустилъ вопросъ о славяно-русскихъ переводахъ книги Еноха,—что было отмѣчено въ рецензіи проф. Соболевскаго (Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 г., январь): „славянскіе тексты, оба—и изданный Поповымъ, и напечатанный Новаковичемъ (Starine XVI т.)—остались совершенно не извѣстны автору“. Абиссинскую книгу Еноха, переведенную Смирновымъ, Соболевскій считаетъ произведеніемъ греко-византійской литературы и снова поднимаетъ вопросъ о важномъ значеніи славяно-русской апокрифической литературы, въ которой сохранились тексты, неизвѣстные въ западно-европейской наукѣ, опирающейся на однихъ греческихъ и латинскихъ источникахъ.

Въ „Матеріалахъ и замѣткахъ по старинной славянской литературѣ“ Матвѣя *Соколова* (Москва, 1888 г., вып. I) разсмотрѣно и издано нѣсколько апокрифическихъ сочиненій по сербскому сборнику Сречковича: Сисиніевы молитвы отъ трясавицъ, Обрѣтеніе Леопиріево о 12 пятницахъ, Откровеніе святымъ апостоламъ и Компиляція апокрифовъ болгарскаго попа Іереміи. Уже Мансветовъ далъ интересныя разъясненія о греческихъ оригиналахъ Сисиніевыхъ молитвъ въ статьяхъ: Византійскій матеріалъ для сказанія о двѣнадцати трясавицахъ 1881 г., въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцовъ за 1883 г., кн. III. Самую интересную часть изслѣдованія проф. Соколова представляетъ пересмотръ вопроса объ авторствѣ попа Іереміи.

Компиляція Іереміи, извѣстная по рукописямъ XIII—XIV вв. (болгарскимъ, сербскимъ и русскимъ), носитъ названіе „Слово Іеремія прозвутера о древѣ честнѣмь и о взвѣщеніи св. Троицы и въ память Моисѣеви“ и состоитъ изъ слѣдующихъ частей: древо въ Меррѣ, мѣдный змѣй, разбойникъ Амвросій, разбойникъ Есромъ при Давидѣ, построеніе Соломономъ храма и посѣченіе древа, преемники Соломона, рождество Христа, о главѣ Адамовой, какъ Христосъ плугомъ оралъ, какъ Провъ назвалъ Христа братомъ, поставленіе Іисуса въ іереи, Авгарево посланіе, распятіе Христа и разбойниковъ. Разсматривая источники этой компиляціи, авторъ ближе всего указываетъ вліяніе Толковой Палеи, но совершенно отрицаетъ какую либо связь разсматриваемаго сочиненія съ богомильскимъ ученіемъ, а отсюда и непосредственное отношеніе попа Іереміи къ попу Богомилу. Акад. Веселовскій въ статьѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г. (августъ, 452—469 стр.) высказался противъ утвержденій проф. Соколова и остался „при многихъ“ изъ своихъ взглядовъ о богомильскомъ происхожденіи компиляціи попа Іереміи, своеобразной перелицовки ея. Въ „Отчетѣ о 33 присужденіи наградъ графа Уварова“ 1892 г. (стр. 249—275) акад. Ягичъ сдѣлалъ множество поправокъ въ изслѣдованіи проф. Соколова со стороны изданныхъ текстовъ, объясненій къ нимъ. Рукопись Сречковича Ягичъ отнесъ къ XIV в., а не къ XIII в., какъ думалъ Соколовъ. Раздѣляя взгляды изслѣдователя о личности попа Іереміи, Ягичъ выставилъ вопросъ о первоначальныхъ редакціяхъ апокрифовъ и о ихъ передѣлкахъ.

Не входя въ подробности, упомянемъ о статьѣ Владиміра *Сахарова* „Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси“ (Христіанское Чтеніе 1888 г., мартъ—апрѣль), объ апокрифическихъ подробностяхъ въ иконописи по трудамъ проф. *Айналова* и *Рѣдина* „Кіево-Софійскій соборъ, изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи“ (1889 г., Спб.).

Едва ли не впервые такъ удачно объяснилъ извѣстное мѣсто въ лѣтописяхъ о волхвахъ проф. *Мочульскій* „О мнимомъ дуализмѣ въ миѳологіи славянъ“ (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1889 г., № 2), указавъ на богомильскія черты въ этомъ сказаніи о твореніи міра. Въ 1889 г. проф. Соколовъ и Васильевскій дали объясненія „Апокрифическаго матеріала для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками“, „О Гилло“ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1889 г., іюнь). Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1889 г., кн. III напечатано нѣсколько апокрифическихъ текстовъ: „Дѣянія апостоловъ Петра и Павла“ (по сербск. сборнику XV в.), „Ученіе апостола Андрея“ (тамъ-же), „Видѣніе пророка Даніила“ (по бѣлорусск. сборн. XVI в.), „Послѣднее видѣніе св. пророка Даніила„ (по ркп. XV в.), „Дѣяніе ап. Ѳомы“.

Въ 1890 г. *Порфирьевъ* напечаталъ новые тексты апокрифовъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки „Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Изданію текстовъ предпослано предисловіе, содержащее, какъ и предшествующая работа того же автора „Общій обзоръ апокрифическихъ сказаній о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Тексты напечатаны по рукописямъ XVI—XVII вв. и распредѣлены по слѣдующимъ рубрикамъ: сказанія о лицѣ Спасителя и Богоматери, сказанія объ апостолахъ, сказанія о святыхъ, сказанія апокалипсическія или вообще эсхатологическаго характера и апокрифы смѣшаннаго содержанія, или апокрифическіе сборники. Кромѣ апокрифическихъ евангелій (Іакова, Никодима), легендъ, вопросовъ и отвѣтовъ, здѣсь помѣщены: Бесѣда трехъ святителей, Луцидаріусъ и поученія апокрифическаго характера.

Проф. Сумцовъ въ Этнографическомъ Обозрѣніи 1890 г. (кн. VI) помѣстилъ статью „Отголоски христіанскихъ преданій (въ томъ числѣ апокрифическихъ) въ монгольскихъ сказкахъ“, а акад. Веселовскій въ Живой Старинѣ 1890 г. (кн. I) замѣтку „Къ видѣнію Амфилога“.

Эсхатологическимъ сказаніямъ посвящены двѣ работы, появившіяся въ 1891 г.: проф. *Батюшкова* „Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы“ и проф. *Шепелевича* „Этюды о Дантѣ: Апокрифическое видѣніе св. Павла“ (2 части, Харьковъ). Первый высказалъ вѣрное замѣчаніе о неразработанности вопросовъ о спискахъ и редакціяхъ славяно-русскихъ апокрифовъ [напр. Слова о видѣньи ап. Павла, стр. 98] и воспользовался нѣкоторыми для объясненія своей спеціальной темы. Второй въ I части работы разсмотрѣлъ славяно-русскія слова о видѣніи ап. Павла и сочиненія, возникшія подъ вліяніемъ этого апокрифа, какъ-то: о денно-нощной молитвѣ и о смерти праведнаго и грѣшнаго. Славянорусскій апокрифъ проф. Шепелевичъ сблизилъ съ сирійскимъ пересказомъ, въ противоположность греческому. Введеніе и II ч. изслѣдованія посвящены исторіи сказаній о загробной жизни, начиная съ классическихъ на-

родовъ. Проф. Сумцовъ въ разборѣ изслѣдованія Шепелевича замѣтилъ о его недостаткахъ и выразился слѣдующимъ образомъ объ отношеніи новой работы къ предыдущимъ: „научная литература о главнѣйшихъ апокрифахъ уже нуждается въ спеціальномъ изученіи Павлова Видѣнія. Апокрифы о крестномъ древѣ, Соломонѣ, предателѣ Іудѣ, Бесѣдѣ трехъ святителей въ послѣднее время вызвали уже спеціальныя изслѣдованія А. Веселовскаго, Поливки, Мочульскаго, Красносельцева. Эсхатологическія сказанія обслѣдованы съ большой подробностью Сахаровымъ и Батюшковымъ; недоставало изслѣдованія о Павловомъ видѣніи, и трудъ г. Шепелевича теперь восполняетъ этотъ пробѣлъ, съ значительными, впрочемъ, недочетами, которые авторъ сознаетъ и самъ оговариваетъ, что говоритъ о его скромности и добросовѣстности“ (Рус. Филолог. Вѣстн. 1892 г.).

Изъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ 1891 г., обращаютъ на себя вниманіе: апокрифы въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ *Романова* (вып. V: загадки царя Соломона, Сонъ Богородицы, Свитокъ іерусалимскаго знаменія, о 12 мукахъ, о 12 пятницахъ, Бесѣда трехъ святителей), „Откровеніе Авраама“, по рукописи XIV в. (изданіе Общества Любителей Древней Письменности, XCIX, фотолитографическое), „Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки“ *Порфирьева* (Труды 4-го Археологич. Съѣзда въ Россіи, т. II, 1891 г.).

Проф. *Мочульскій* въ 1893 г. выступилъ съ изслѣдованіемъ „Слѣды народной Библіи въ славянской и въ древне-русской письменности“, въ которомъ разсмотрѣлъ слѣдующіе апокрифическіе памятники: „Вопросы и отвѣты Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго (Бесѣда трехъ святителей), Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской, Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ, Вопросы Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ душахъ, Варѳоломѣевы вопросы Богородицѣ“. Большая часть изслѣдованія посвящена Бесѣдѣ трехъ святителей, которую въ разныхъ ея редакціяхъ авторъ и считаетъ народной толковой Библіей. Онъ строитъ цѣлую исторію Бесѣды, незадолго до него признанной непереводной съ греческаго (проф. Красносельцевъ). Проф. Мочульскій открылъ новые тексты греческіе и славянскіе. Литературная исторія Бесѣды трехъ святителей, нѣсколько преувеличенная въ изслѣдованіи автора, представляется въ слѣдующихъ стадіяхъ развитія: латинскій Гипомнестиконъ Іосифа представляетъ предполагаемую основу безы-

мянныхъ вопросовъ и отвѣтовъ библейскаго, преимущественно ветхозавѣтнаго содержанія; съ XII в. открываются для насъ греческіе и славянскіе толковые сборники, которые пріурочиваются къ именамъ трехъ святителей и наклоняются въ сторону популярной еретическо-богомильской толковой Библіи; съ XVI в. Бесѣда на русской почвѣ превращается въ толковый сборникъ всего недоумѣннаго и таинственнаго въ области церковно-религіозной, а вмѣстѣ съ тѣмъ начала пріобрѣтать характеръ загадокъ: наконецъ, на русской же почвѣ, среди старообрядцевъ, Бесѣда получаетъ церковно-энциклопедическій характеръ.

Отдѣльные вопросы Бесѣды разобраны такъ же внимательно, какъ въ предшествующей работѣ автора. Послѣ Бесѣды авторъ разсматриваетъ толковые сборники, между прочимъ „Кааѳъ“, о которомъ еще будемъ говорить далѣе. Также обстоятельно проф. Мочульскій разсматриваетъ и остальные апокрифическіе вопросы, отмѣчая ихъ источники или передѣлки.

Образцовый трудъ проф. *Покровскаго* „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“ (Спб. 1892 г.) имѣетъ отношеніе и къ апокрифамъ, что подало поводъ и рецензенту его книги проф. Кирпичникову (Записки И. Русскаго Археологич. Общ., т. VII, 1894 г. Приложенія къ протоколамъ) сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ этомъ предметѣ. Происхожденіемъ своимъ апокрифы обязаны Востоку и въ частности греческой литературѣ. На Западѣ только въ X в. замѣчаются нѣкоторые слѣды знакомства съ апокрифическими евангеліями. Съ XI в. начинается уже проникновеніе апокрифовъ въ народныя литературы Запада. Кирпичниковъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на апокрифическихъ сказаніяхъ о Богородицѣ. „Композиція Благовѣщенія съ рукодѣліемъ, говоритъ Кирпичниковъ (стр: CX), повліяла на народную поэзію: въ заговорѣ на кровотеченіе Богородица вышиваетъ краснымъ шелкомъ; въ одной румынской пѣснѣ Богородица прядетъ золотыя нити на одежду своему сыну“.

1892—96 гг. ознаменовались въ русской наукѣ изданіями греческихъ и славянорусскихъ апокрифовъ. „Сборникъ памятниковъ Византійской литературы А. Васильева“ (Anecdota graeco-byzantina, pars prior. Ученыя Записки И. Москов. унив., отдѣлъ историко-филолог., вып. XI) впервые обогатилъ русскую литературу драгоцѣнными памятниками, важными для изученія славянорусскихъ апокри-

фовъ. Васильевъ впервые обозрѣлъ всѣ европейскія библіотеки съ цѣлью разысканій греческихъ апокрифовъ, и поиски его были небезплодны. Онъ напечаталъ: Palaea historica, orationes falsae, exorcismi sive incantationes, quomodo Iesus Christus Sacerdos factus est, и проч.

Образцовое изданіе „Палеи Толковой, по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г.“ (трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова, Москва 1892—1896 гг.) вызвало изслѣдованія Михайлова и Истрина. *Михайловъ* напечаталъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1895—1896 гг. статьи: „Общій обзоръ состава, редакцій и литературныхъ источниковъ Толковой Палеи“ и „Къ вопросу о текстѣ книги Бытія пророка Моисея въ Толковой Палеѣ“. На основаніи подробнаго сличенія сходныхъ текстовъ Толковой Палеи и Библіи авторъ пришелъ къ выводамъ: о зависимости Палеи отъ славянскаго перевода Библіи, о составленіи Толковой Палеи въ древней Руси, въ виду отсутствія греческаго оригинала и южнославянскихъ списковъ.

Въ 1894 г. появились „Апокрифическія сказанія“ (въ Сборникѣ отд. Русскаго языка и Словесности И. Академіи Наукъ, т. LVIII), составлявшія продолженіе труда Н. С. Тихонравова въ 1868 г. и, къ сожалѣнію, въ необработанномъ видѣ незаконченныя, между тѣмъ какъ большая часть ихъ списана съ древнихъ списковъ, напр., Смерть Авраама XIII в., Повѣсть о плѣненіи Іерусалима XII в., Видѣніе пророка Исаіи XII в., и проч. Непонятно, какимъ образомъ Тихонравовъ при жизни не успѣлъ издать продолженія своего цѣннаго труда.

Въ области новозавѣтныхъ апокрифовъ обратилъ на себя вниманіе трудъ одного изъ учениковъ Н. С. Тихонравова, *М. Н. Сперанскаго* „Славянскія апокрифическія евангелія“ (Москва, 1896 г.). Диссертація эта написана сжато, обстоятельно и обставлена новыми матеріалами. Она представляетъ общій обзоръ апокрифическихъ евангелій, сохранившихся въ латинскихъ, греческихъ и славянскихъ текстахъ. Изъ послѣднихъ разобраны и напечатаны Первоевангеліе Іакова, Евангеліе Ѳомы и Никодимово Евангеліе. Методъ изслѣдованія сравнительный и потому спеціально-русскія особенности остаются въ тѣни, исключая указаній на вліянія апокрифическихъ евангелій въ древнерусской литературѣ.

Проф. Соколовъ въ 1895 г. продолжалъ свои изслѣдованія въ области ложныхъ молитвъ и иконографіи, въ статьѣ „Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками“ (Древности

труды Славянской Коммиссіи И. Московск. Археолог. Общества, т. I). Припоминая свою предшествующую статью въ Ж. М. Н. Пр. 1889 г. авторъ говоритъ: „для меня представлялось несомнѣннымъ, что эти амулеты, употреблявшіеся среди русскихъ и византійскихъ христіанъ, являются отраженіемъ суевѣрія, ведущаго свое начало съ Востока, изъ древней Халдеи, и всего ближе соотвѣтствуютъ тѣмъ демонологическимъ и магическимъ представленіямъ и ученіямъ, какія изложены въ извѣстномъ Testamentum Solomonis, этой іудейско-византійской перелицовкѣ древней халдейской магіи“. Въ этой статьѣ проф. Соколовъ далъ много разъясненій о названіяхъ болѣзней: „встрѣчающіеся въ русскихъ рукописяхъ молитвы и заговоры сисиніевскаго типа, говоритъ авторъ, отличаются отъ греческихъ и юго-славянскихъ тѣмъ, что они совершенно не знаютъ легенды о Мелитинѣ и сверхъ того говорятъ обыкновенно не объ одномъ демонѣ-вѣщицѣ, имѣющемъ много именъ, а о двѣнадцати (иногда семи, иногда болѣе двѣнадцати) дочеряхъ Ирода, трясавицахъ, носящихъ имена, характеризующія тотъ или другой признакъ болѣзни, есть, впрочемъ, не мало и русскихъ текстовъ съ такими же неразумительными именами, какъ въ текстахъ греческихъ и юго-славянскихъ; въ нѣкоторыхъ текстахъ даются болѣе подробныя объясненія тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыя производятся сестрами-трясавицами; изъ этихъ объясненій оказывается, что кругъ ихъ зловредной дѣятельности чрезвычайно обширенъ и обнимаетъ едва ли не всѣ тѣ болѣзни, которыя иначе обозначаются именами дны, нежита, гостца, грыжи, и т. д.“ (164 стр.).

Въ изслѣдованіи Сергѣя Соловьева „Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ“ (вып. I, Харьковъ, 1895 г.), какъ и въ другихъ изслѣдованіяхъ по апокрифамъ, прежде всего выступаетъ отсутствіе хронологическаго расположенія матеріала. Сравнительный методъ, содержаніе апокрифовъ, ихъ отношеніе къ иконографіи и подчиненіе всей темы „Легендѣ объ Эдипѣ-Іудѣ“ еще болѣе удалило автора отъ задачъ изслѣдованія славяно-русскихъ апокрифовъ, ихъ литературной исторіи. Тѣмъ не менѣе предметъ изслѣдованія исчерпанъ какъ по западной литературѣ, такъ и по грекославянской.

Въ маленькой статьѣ проф. Мочульскаго „Апокрифическое сказаніе о созданіи міра“ (Одесса, 1896 г.) дополнено изслѣдованіе акад. Веселовскаго новыми текстами. Въ статьѣ проф. *Алмазова* „Къ исторіи молитвъ на разные случаи“ (Лѣтопись историко-филологическаго

общества при И. Новороссійскомъ университетѣ 1896 г., VI, Византійское отдѣленіе III) напечатаны молитвы по славянскимъ и греческимъ рукописямъ. Предшественникомъ автора кромѣ Порфирьева является еще *Каратыгинъ* „Обзоръ нѣкоторыхъ чинопослѣдованій въ рукописныхъ требникахъ, принадлежащихъ библіотекѣ Спб. дух. Академіи“ (Христ. Чтен. 1877, т. I).

Въ 1896 г., во Львовѣ, появилось собраніе апокрифовъ и легендъ изъ украинскихъ рукописей г. *Франка* „Памятки украіньско-руськоі мови і літератури видає Комісия Археографічна, т. I Апокріфи старозавітні, зібрані з рукописів украінсько-руських у Львові“. Предисловіе къ этому тщательно составленному труду касается вопросовъ объ изученіи апокрифовъ, о славянскихъ индексахъ, о вліяніи апокрифовъ на письменность и устную словесность. Большая часть апокрифическихъ текстовъ извлечена изъ Крехивской Палеи XV—XVI вв., остальные тексты взяты изъ позднѣйшихъ рукописей. Примѣчанія сопровождаютъ почти каждое сказаніе. Первый томъ обнимаетъ ветхозавѣтные апокрифы; недавно появившійся II томъ содержитъ новозавѣтные тексты.

Упомянемъ о статьѣ г. *Петровскаго* „Апокрифическія сказанія объ Апостольской проповѣди по Черноморскому побережью“ (Записки И. Одесскаго Общ. Исторіи и Древн. 1897 г., т. XX. 1898 г., т. XXI), къ которой приложеніемъ служитъ „Мученіе св. апостола и евангелиста Матѳея 16 ноября“, изъ сборника XVII в. Общ. Любит. Древн. Письм., „Мученіе св. апостола Филиппа“, изъ того же сборника. Для послѣдняго можно бы, замѣтимъ отъ себя, выбрать болѣе древній текстъ изъ Великихъ Четій-Миней м. Макарія XVI в. (14 ноября).

Изъ частныхъ замѣтокъ и изслѣдованій 1897 г. замѣтимъ прежде всего о статьяхъ проф. *Качановскаго* (Молитва съ апокрифическими чертами отъ злого дождя XVI в. сербск. „Извѣстія“ Отд. Рус. яз. и Слов. И. Академіи Наукъ 1897 г., т. II, кн. 3), *Архангельскаго* (Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Ученыя Записки Казанскаго Унив. 1897—99 гг.).

Изъ болѣе крупныхъ работъ 90-годовъ слѣдуетъ назвать труды проф. *Истрина*: Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи (Извѣстія Отд. Рус. яз. и Слов. И. Академіи Наукъ 1897 г., кн. 1 и 4 тома II; 1898 г. кн. 2, т. III), Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славянорусской литературахъ, изслѣдованіе и тексты (Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1897 г., книжки 2, 3 и 4), Къ вопросу о снѣ царя Іоаса (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1898 г., февраль), Апокрифъ объ Іосифѣ и Асенефѣ (Древности Труды Славянской Коммиссіи И. Москов. Археологич. Общ. 1898 г., т. II). Во всѣхъ названныхъ трудахъ авторъ приходитъ къ новымъ выводамъ или даетъ новые факты. Такъ онъ отрицаетъ непосредственное отношеніе Толковой Палеи къ Начальной лѣтописи, указывая на Козму Индикоплова и хронографы, напримѣръ, на Малалу. Г. Истринъ подкрѣпилъ выводы г. Михайлова о славянскомъ происхожденіи Толковой Палеи. Мы не можемъ въ настоящее время, по разнымъ обстоятельствамъ, входить въ разсмотрѣніе вопросовъ, которые насъ нѣкогда занимали и были болѣе внимательно изучены, при благопріятныхъ условіяхъ, напр., объ отношеніи Толковой Палеи къ Кааѳу, къ Изборнику XIII в.

Въ 1898 г. появились статьи Н. С. Тихонравова объ „Отреченныхъ книгахъ древней Россіи“ (Сочиненія Н. С. Тихонравова, томъ первый. Древняя Русская Литература, стр. 127—255, примѣчанія 13—86 стр.), съ обширными примѣчаніями издателей. Авторъ этого неоконченнаго изслѣдованія далъ картину распространенія славянорусскихъ апокрифовъ по индексу ложныхъ книгъ, по Палеѣ Толковой. Собственно апокрифическія сказанія разсмотрѣны Тихонравовымъ подробнѣе по слѣдующимъ памятникамъ: о Китоврасѣ, о загробномъ мірѣ (этотъ очеркъ, замѣтимъ, не относится къ апокрифамъ), о Хожденіи Богородицы по мукамъ, о Хожденіи ап. Павла, о Меѳодіѣ Патарскомъ, о страшномъ судѣ и, наконецъ, о мученіяхъ св. Георгія и Ѳеодора Тирона.

Въ „Исторіи Русской Литературы“ *А. Н. Пыпина* (т. I, Древняя Письменность) апокрифы разсмотрѣны по слѣдующей программѣ: дуалистическія сказанія о міротвореніи, апокрифы ветхозавѣтные и новозавѣтные, апокрифы церковно-историческіе, сказанія о концѣ міра, богомильскіе апокрифы, бесѣда трехъ святителей, суевѣрія и гаданья, апокрифы западнаго происхожденія.

При всей обстоятельности очерка, какъ и въ другихъ трудахъ, замѣчается отсутствіе хронологическаго распредѣленія памятниковъ славянорусской апокрифической литературы. Въ концѣ статьи объ апокрифическихъ книгахъ присоединены обширныя библіографическія примѣчанія какъ по русской научной литературѣ, такъ и по славянской.

Акад. *И. В. Ягичъ* нашелъ замѣчательный сборникъ XIII в. съ апокрифическими статьями: Первоевангеліемъ Іакова и Посланіемъ Пилата въ Римъ, которыя и издалъ въ 1898 г., въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ 1898 г., кн. 2 и 3, подъ заглавіемъ: „Критическія замѣтки къ славянскому переводу двухъ апокрифическихъ сказаній". Путемъ сравнительнаго изученія славянскихъ и греческихъ текстовъ Ягичъ пришелъ къ предположенію о древности названныхъ апокрифическихъ сказаній и о возможности возстановленія первоначальныхъ славянскихъ переводовъ апокрифовъ.

Въ „Замѣткахъ о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ" проф. *М. Н. Сперанскаго* (Изъ XVI т. Извѣстій Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, 1898 г.) находимъ три апокрифическія статьи: Слово о Соломонѣ и его женѣ, Молитву Сисинія и Списокъ отреченныхъ книгъ.

Тексты и замѣтки изъ области славянорусской апокрифической литературы находятся въ статьѣ г. *Яцимирскаго* „Изъ славянскихъ рукописей" (Ученыя Записки Московск. Университета, 1898 г.), въ которыхъ помѣщено изслѣдованіе новаго списка апокрифическаго евангелія ап. Ѳомы. Средне-болгарскій списокъ XIV в. апокрифическаго евангелія ап. Ѳомы, изданный г. Яцимирскимъ, еще разъ подтверждаетъ фактъ, засвидѣтельствованный послѣдними открытіями Ягича и друг., о сравнительной древности апокрифическихъ сочиненій у южныхъ славянъ и о бóльшей молодости русскихъ списковъ, въ особенности въ области пророчествъ и евангелій. Мало того, черты языка въ южнославянскихъ текстахъ уводятъ эти памятники въ еще бóльшую древность, и можно смѣло утверждать, что уже въ XI—XII вв. южные славяне обладали множествомъ апокрифическихъ сочиненій.

Точно также и проф. *Мочульскій* обогатилъ апокрифическую литературу изданіемъ съ замѣчаніями южнославянскаго текста „Апокрифическаго житія Ап. Петра" (Труды X Археологич. Съѣзда въ Ригѣ, 1899 г., т. I), по сербскому. Заканчивая обзоръ изслѣдованій по славяно-русской апокрифической литературѣ мы должны подробнѣе остановиться на нѣсколькихъ изслѣдованіяхъ изъ области наименѣе обслѣдованной,—именно изъ литературы гадательныхъ и астрологическихъ книгъ. Это работы по исторіи отреченной литературы, апокрифа и легенды проф. М. Н. Сперанскаго и В. Н. Перетца.

Первая работа состоитъ изъ двухъ книгъ, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ исторіи отреченныхъ книгъ" (Памятники Древней Письменности и Искусства, 1899 г.; I. Гаданія по Псалтири. Тексты Гадательной Псалтири и родственныхъ ей памятниковъ и матеріалъ для ихъ объясненія собралъ и приготовилъ къ изданію *М. Сперанскій*; II. Трепетники, Тексты Трепетниковъ и матеріалъ для ихъ объясненія CXXXI). Послѣ изданій Пыпина, Тихонравова это едва ли не первая работа, посвященная изслѣдованію происхожденія гадательныхъ книгъ, ихъ литературной исторіи и составу, подвергавшимся наибольшей случайности, сравнительно съ другими памятниками письменности. По пути акад. Тихонравова Сперанскій обращается къ гаданіямъ и примѣтамъ, свойственнымъ и языческой древности почти всѣхъ народовъ. Сверхъ того, авторъ новыхъ трудовъ слѣдитъ исторію гадательныхъ книгъ и по новымъ книжнымъ переработкамъ, проникающимъ также въ народъ, въ видѣ печатныхъ и рукописныхъ Оракуловъ, Сонниковъ, Гаданій царя Соломона, и т. п. Проф. Сперанскій признаетъ глубокую древность за гаданіемъ, какъ старымъ языческимъ вѣрованіемъ античнаго и древне-восточнаго происхожденія, только воспринятымъ христіанствомъ, развившимъ его на своей почвѣ. Въ будущемъ авторъ обѣщаетъ дать цѣльную исторію гадательныхъ книгъ, представляя теперь только разборы Гадательной Псалтири, Рафлей и Трепетника.

Въ виду интереса разсматриваемаго труда коснемся подробнѣе его содержанія. Опредѣливъ древнѣйшій примѣръ гаданія по Псалтири у насъ въ древней Руси, въ самомъ концѣ XI в., по словамъ Поученія Владиміра Мономаха, авторъ обращается къ очерку гадательной и астрологической литературы, связанной съ гаданіями по св. Писанію.

Сначала онъ собираетъ свѣдѣнія по византійской литературѣ и бѣгло отмѣчаетъ нѣкоторыя гадательныя книги въ западноевропейской литературѣ, признавая за ней важное значеніе для установленія прочныхъ основъ для изученія нашихъ гадательныхъ книгъ. Далѣе авторъ останавливается на русскихъ свидѣтельствахъ о гаданіи по индексамъ отреченныхъ книгъ и устанавливаетъ фактъ отличія гадательной псалтири, не упоминаемой индексами, отъ рафлей и памятниковъ гадательно-астрологической литературы. Затѣмъ онъ обращается къ современнымъ обычаямъ гаданія по книгамъ, разсматривая ихъ сравнительно съ древними и иноземными. Вся остальная

часть I выпуска посвящена разсмотрѣнію рукописныхъ и печатныхъ текстовъ гадательныхъ книгъ, вплоть до изданій 1894 года. Уже первый древнѣйшій типъ гадательной Псалтири, при неудовлетворительности текстовъ XI—XIV вв., вызываетъ рядъ предположеній: о недостающихъ въ текстахъ мѣстахъ, о ихъ взаимномъ отношеніи, о древнѣйшемъ свидѣтельствѣ гаданія по Псалтири в. кн. Владиміра Мономаха. Для объясненія послѣдняго привлекаются къ сравненію „Хитрость пророка Самуила“, по сербскимъ рукописямъ XVII в., „Рафли“ по восточнымъ гаданіямъ, отличающимся отъ гаданій Самуила. „Рафлямъ“ авторъ удѣляетъ особенное вниманіе, высказываясь противъ существовавшаго до него взгляда о тождествѣ текста, напечатаннаго подъ именемъ Рафлей Пыпинымъ въ „Памятникахъ“ гр. Кушелева-Безбородко съ Рафлями, названными Стоглавомъ и Домостроемъ и тожественными, по имени, съ восточными гаданіями raml, греческимъ ραμπλιον. Однако и это отождествленіе оговорено авторомъ, указывающимъ на гадательно-астрологическій характеръ утраченныхъ русскихъ Рафлей, пришедшихъ съ Запада. То, что напечаталъ Пыпинъ подъ именемъ Рафлей, представляетъ родъ гадательной Псалтири: „Книга гадательная пророка и царя Давида“. Второй позднѣйшій типъ гадательной Псалтири представляетъ такое разнообразіе частностей, что вызываетъ предположеніе объ исчезнувшемъ гадательномъ памятникѣ. Этотъ памятникъ сложный: онъ состоялъ изъ гаданій по Евангелію, по изрѣченіямъ святыхъ (то, что на Западѣ носило названіе Sortes Sanctorum), и друг. Здѣсь же авторъ изслѣдованія замѣчаетъ, что книжки „Рафлей“ и „Метанія“, упоминаемыхъ въ спискахъ отреченныхъ книгъ, до сихъ поръ не найдены. Примѣты этихъ книжекъ авторъ, однако, намѣчаетъ и дѣлаетъ анализъ Гадательной Псалтири позднѣйшаго типа въ связи съ Гаданіями Давида и Соломона. Въ концѣ концовъ устанавливается непрерывная связь гадательной псалтири, осложняющейся въ исторіи литературнаго развитія новыми памятниками.

Во второй части своего труда авторъ поставилъ задачей опредѣлить исторію появленія Трепетника въ славянской литературѣ, его иноземные источники, характеръ отношеній существующихъ текстовъ Трепетника къ ихъ источникамъ и къ народнымъ примѣтамъ, существующимъ въ видѣ переживанія до сихъ поръ. Авторъ начинаетъ съ установленія примѣтъ Трепетника по индексамъ, причемъ опредѣленіемъ рукописи XV в. поддерживаетъ древность списка гадательныхъ книгъ по Купріанову молитвеннику въ его позднихъ спискахъ.

Какъ и въ предыдущемъ очеркѣ гаданій по книгамъ, въ разсматриваемомъ выпускѣ о Трепетникахъ, авторъ разсматриваетъ прежде всего гаданіе по примѣтамъ на человѣческомъ тѣлѣ у слѣдующихъ народовъ: у древнихъ грековъ, которые, повидимому, вели свои гаданія съ Востока, изъ Египта, у римлянъ, у византійцевъ, индійцевъ, у средневѣковыхъ народовъ Европы, норвежцевъ (думаемъ, что авторъ не обращался къ журналамъ по фольклору), у славянъ, русскихъ, какъ въ старину, такъ и въ настоящее время. Не отыскивая связи между повѣрьями современныхъ народовъ авторъ открываетъ связь литературную, поддерживаемую живымъ ходячимъ повѣрьемъ. Въ общемъ авторъ признаетъ исконное, такъ сказать, присутствіе гаданія по трепетанію человѣческаго тѣла у русскаго народа, къ которому изъ Византіи неизвѣстно въ какое время перешли Трепетники. Въ разныхъ спискахъ славянорусской литературы этотъ памятникъ представляетъ разнообразіе, и авторъ посвящаетъ много различныхъ сопоставленій взаимному отношенію текстовъ.

Изслѣдованіе *В. Н. Перетца* „Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи громника. Введеніе, славянскіе и еврейскіе тексты“ (Спб. 1899 г.) подходитъ по направленію и содержанію къ только что разсмотрѣннымъ трудамъ проф. Сперанскаго. Авторъ разсматриваетъ всевозможные памятники старинной славянорусской литературы такъ или иначе соприкасающіеся съ народными воззрѣніями на громъ и молнію. Списки славянорусскаго громника начинаются съ XIV в. и идутъ непрерывно до XIX в. Авторъ знаетъ 19 рукописей Громника. Къ концу XVIII в. онъ былъ вытѣсненъ печатнымъ календаремъ и оракулами. Громникъ не былъ, подобно напр. Соннику, напечатанъ отдѣльно, а по клочкамъ и обрывкамъ разошелся по отдѣльнымъ рубрикамъ извѣстнаго и до сихъ поръ популярнаго гаданія по планетамъ. Въ заключительной главѣ авторъ касается древне-еврейскихъ текстовъ Трепетника (дополняя тѣмъ изслѣдованіе проф. Сперанскаго), Шестокрыла, Громника и др. Тексты эти переданы въ переводѣ.

Наконецъ, заслуживаетъ упоминанія статья г. *Заболотскаго* „Легендарный и апокрифическій элементъ въ хожденіи иг. Даніила“ (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1899 г., 1—4 кн.), задача которой состоитъ въ болѣе подробномъ пересмотрѣ вопросовъ, затронутыхъ уже предшественниками.

П. Владиміровъ.

II.

Приложенія (тексты).

Номоканонъ XV в. Почаевской Лавры № 88 (Кіевской Духовной Академіи), л. 446—447 оборотъ.

Лаодикійскаго собора правило 59, глава 105. Яко ни мирских составленным псалмомъ г҃лти во ц҃ркви. а не исправленных книгъ чтѣте но токмо исправленъныа новаго и ветхаго ивакона (закона?), а иже кто лженаписанъныѧ и нечестівыа полагаетъ книги иніи с҃тыа. да извержетсѧ а книги сожгоутсѧ. Сложенаа писаніа ложнаа. се сут имена им. адам ену (енохъ?) ламех патриарси. м҃лтва сифова. адам завѣт мосеов исходъ моисеовъ. криво кладенъ. псалмы и соломони или ино обавленіе. захариино обавленіе. петрова обавленіе, обходи ап҃лстіи. варнавле посланіе. дѣаніе павлево лжею складено. обавленіе павле. ученіе климентово. еѵ҃лие варнавы. еѵ҃лие отъ ѳомы паралипомены. еремиина о плѣненіи, что и орла слал со грамотою ко іреміи во вавилонъ. сут же ина многа от лжесловесник словеса. яко се вопрос іоанна б҃гослова на горѣ елеонъстей. тогож вопрос авраама праоц҃а. варфоломеевъ вопрос бц҃и. епистолиа отъ н҃длѣ о древѣ кр҃та лга (но) почто си петрово вохожденіе по вознесеніи г҃н҃и. что отрочатемъ продал г҃а. что и рыбы по суху ходити. дѣтство х҃во бц҃и. чинохожденіе по мукам лоб адамов что 7 ц҃ревъ содѣло. имена дѣломъ о службѣ таин х҃въ что опоздѧт службу. врата д҃ѣа затворитсѧ и попа клинут. то еретикъ писалъ преніе діаволе со х҃мъ о макаріи римскомъ, что 3 ч҃р҃ици ходіли. о соломонѣ ц҃ри. басни и кощуни и о китоврасѣ. 12 ияковливичи. и г҃лемаа лѣствица. м҃ч҃ическаа словеса лжею складено. не тако како истина от них. якож се георгіево мученіе. никито мученіе иоупатиево и климентіево анъкирскаго и инѣх многих. сут же и междо б҃жтвенных писаній ложнаѧ словеса исѣана невѣжамь на соблазнь. яко се худыѧ номоканоны по м҃лтвеникомъ попов. и м҃лтвы. исказили были еретици. и правила ап҃лъскаа соборны епистолію иоли собор коусилъ им чистъ.

Приводимъ небольшую выдержку изъ греческаго текста по изданію Питра (Juris Ecclesiastici graecorum historia et monumenta curante I. B. Pitra, Tom I, Romae, 1864 г., стр. 503): 59. Ὅτι οὐ δεῖ ἰδιωδικοὺς ψαλμοὺς λεγεσθαι ἐν τῇ ἐκκλεσίᾳ οὐδὲ ἀκανόνιστα βιβλία,

ἀλλὰ μόνα τὰ κανονικὰ τῆς παλαιᾶς καί καινῆς διαθήκης. 60. Ὅσα δεῖ βιβλίᾳ αναγινώσκεσθαι τῆς παλαιᾶς διαθήκης. α. Γένεσις κόσμου, β. Ἔξοδος ἐξ Αἰγύπτου, и т. д. Въ данномъ спискѣ называются только каноническія книги Библіи.

„*Написаніе Аѳанасія мниха Іерусалимскаго ко Панкови о древѣ разумнѣмъ добру и злу*“. Глава 114 (л. 453 об.—455).

Повѣдаша нам нѣции яко многи оучиша о древѣ разумнѣмъ. добру и злу отъ негож б҃ъ адаму вокусити возбранилъ. и г҃лши винно было. а слышиши писаніе о еввѣ. видѣ жена древо красно виденіемъ и добро во снѣд вонимайже грезн коуѧ красоту имат. великій аѳанасий смоковъ именуетъ. иж прѣвѣе ключаются. того ради х҃с смоковъ проклѧл и паки г҃лешн неял естъ адамъ но пил. гдѣ еси чол тако и злѣ развращаеши истинну. мойси рече. во начало сотвори б҃ъ адама, и жену. и введе в раи пища. и все има наслажденіе обилно подавати. отъ древа разумѣти добру и злу. вон же день аще снѣсте с҃мртію оумрета оувѣждъ от с҃тыхъ писаній, что древо вокушеніе адамле, того ради наре(че)но быст древо видѣніе добру и злу. не древо тебѣ зло. но преступленіе тебѣ ест зло. имъ же адамъ отъ вокушеніа искус бѣ приати яко добро послоушати б҃а. злож ослушатис заповѣди его возираа вѣст яко под закономъ естъ. и помнити законодавца. почто си заповѣдь дана быст. имже ина б҃лше тогда. что рещи б҃в҃и не окрад ничего дому. ни имѣніа. прелюбы не твори. не оклеветай никого. всему бо тому несуще еще. но даст заповеди отъ предлежащаго наслажденіа. вокусив неповеленаго ему. и разгнѣвавъ б҃а. того ради повинен естъ муцѣ. закон бо ест телесенъ велитъ браку красну быти. аще каа д҃вица варивши годину брач(ную?) дастсѧ на блудъ. не ослабно муку приемлет от закона. не ако что странно естествомъ лише прочиих д(а)вдъ приемши, но кромѣ закону власти отча давшис грѣху за преступленіемъ мучима. н(ы)нѣ разумѣи образъ древа силу кр҃тную. древомъ победи х҃с диавоавола. изведый вонъ. д҃вою евва прелщена бысть, отъ м҃риа родисѧ х҃с д҃вы. и во см҃рти мѣсто бысть адамови, см҃рть х҃ва быст. и г҃лши вином бысть преступленіа адаму. и того ради б҃лвилъ ест х҃с вино. по пречистей крови своей образ даа. яж излия за наше с҃пс҃ніе. пречистое тѣло свое хлѣбомъ пода рек. пріймѣте и ядите се ест тѣло мое. и чашу по вечери рече. прдте (?) отъ неа вси се ест кров моа. ци не вѣси яко отъ яд от древа сладост прелестную каплющий плод во тленіе во см҃рть вниде. мыж отъ древа крестнаго ядше и пивше. тѣло кров

хв҃у. нетленіе и жизнь цртво обрѣтохомъ. и преступленіа ради ада-
мла писаніе гл҃етъ. написася адам ада смртнаго рекше скорби пе-
чали и слезь возмущеніа мутна. аки піанству сподобися, обычай бо
ест писанію. тако имена нарицати вещем от сего разумѣ патриарх.
ископа кладязь. фидицимиже особишась и сваришась во он. и нарече
исаакъ кладязю имя вражда не существо кладязное вражда бѣ. но-
вина онюже вражда умножус. и паки ты гл҃ти на томъ древѣ распят
хс҃ что моисий во меррѣ воды ослади. ни оубо не на томъ распятися
хощетъ, но то древо во образъ бяше. онъ гръкіа воды ослади. сеж
невѣріе во вѣру обрати и глубокую лест діавола разруши древож
крстное не моисеомъ остится. нѣ иным ким. ни само бяше сто преж.
но кровію хв҃ою распятаго на немъ. аще бы чстъ хв҃и творили дом
или црков. или пртолъ яко бг҃у и цру. все быша доброе и славное
красное избрали. по яко злодею хулу и руганіе. то на распятіели
его славнаго древа возищут. имже моисий чудо створи Ісаіа рече.
слава ливанова ктебѣ прийдет. кипарисом и певгом и кедром. се
сказует гору оу стафикійстеи дубровѣ, и учащена ест такими древесы
доброволонными, сию пророк црковъ рече. исполненіем дховным оуче-
ніемъ аще ли на томъ, аще ли на иномъ пригвоздися снъ божий.
обаче кровію его остится а не родомъ то сто ест. и никтож имъ
поклоняется, но дѣлают внѣ потребы, и во огнь волагают. ни из-
бирают яко и прочия древеса. гл҃ши бо яко тому явитися древу
крестному во второе пришествіе. на древо явится со нбсе. якож ты
мниши. но таковымъ знаменіемъ явлься оутратит. невѣрующаа вонь
жиды. крстъ бо хвъ не аг҃ломъ дан бысть. по нам вѣрующимъ вонь
на прогнаніе бѣсомъ слышимъ гл҃ рекше. пръвое явится гь знамене
сн҃а члскаго. на немже и ра (?). и рече крстъ, по знаменіе. якож
во рожствѣ хв҃о явися звѣзда. но сила божіа во образъ звѣзды. пре-
творшися волхвом показа вл҃дко. и се слышахомъ творши хл. попом
поставлена. и плугом и двѣма волама оравша. послушествуем ли
латинѣ. ихже самъ хулишъ. слыши павла гл҃етъ бо хс҃ архиерей бу-
дущих бл҃гъ. и храма истиннаго. иже постави гь а не члкъ. ни кровію
козлію телчію. жртву принесетъ бгу и отцу но своею кровію вѣчно
избавленіе обртѣ, и нас ко оцу приведе. и ко своему хотенію.
должны есмы братіе папку. пытати истиннаго писаніа. внемже обря-
щете премудрости сокровище. а иже то почел еси слово еремея пре-
звитера. еж о древѣ чстнем. и о извѣщеніи сты троица. отъ негоже
навыкъ з вѣжеши. то басни лживыи челъ еси. аще тако в правду

начнеши вѣровати. то по правилу писанію осудишися. прилагая свѣт во тму по обаче имаши слово бж҃іе острѣе меча до раздѣленіа дша и дха.

Тогож Аѳанасія о наузех и о стрълъ громней. Стрѣлки и топоры громніи нечестіваа небо мрѣзкаа вещъ. аще недуги подсиванныя и огненыа болести лѣчитъ. аще и бѣси изгонит. и знаменіа творить. проклято ест. и тіи цѣляемии ею. ни весь бо прорицаа пр(е)пдбнъ. ни весь бо изганяа бѣси стъ аще не от дѣлъ познан. словоу по господскому будетъ. всяко бо древо отъ плода позънати повелѣ.

Музейный № 28, сборникъ настоящаго вѣка „взятъ у крестьянина въ селѣ Шулаевкѣ" (Кіевск. Дух. Акад.), писанъ церковнославянскимъ шрифтомъ. лл. 15—17: „Хожденіе Пресвятыя Богородицы съ Михаиломъ Архангеломъ по мукамъ" (текстъ сходенъ съ изданными текстами у *Ефименки* „Матеріалы по этнографіи... Архангельской губ.", 2 ч., стр. 223 и у *Романова* „Бѣлорусскій сборникъ" вып. 5, стр. 261, по рукописямъ XVIII в.) [1]).

1-я) мука.

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу покажи Мнѣ гдѣ народы мучаются и тьма безконечная и червь неусыпающая и гдѣ мука вечная и приведе ея Архангелъ Михаилъ къ древу а на немъ листья огненныя тутъ многи народы мучаются и рече Пресвятая Богородица сіи Люди скажи ты мнѣ за какіе Грехи мучаются и рече Архангелъ Михаилъ кто старался двоихъ смущать виблюбви (?) того ради мучаются.

2-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ Михаилъ къ тремъ кругамъ огненнымъ и тѣ круги наполнены народомъ и рече Пресвятая Бого-

---

[1]) Заглавія иныя: „Сказаніе о муцѣхъ, ихъ же Михаилъ Архангелъ показа Пресвятѣй Богородицѣ", „О двѣнадцати мукахъ", или „Слово о похожденіи Пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи по мукамъ, где и какія есть муки вѣчныя".—Издаваемый нами текстъ отличается значительными варіантами отъ изданныхъ Ефименкомъ и Романовымъ. Ближайшее опредѣленіе редакціи нашего текста см. ниже. Замѣтимъ только, что нашъ текстъ совпадаетъ большею частію съ текстами г Романова.

родица Архангелу Михаилу сіи Люди за какіе Грѣхи мучаются и рече Архангелъ Михаилъ Воскресеніе Христово и праздники Господни блудъ творили того ради мучаются и прослезися Пресвятая Богородица видя погибель роду человѣческому.

3-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ Михаилъ ко зміямъ лютымъ и крѣкѣ темной в ней вопль крикъ и вискъ великъ и рече Пресвятая Богородица сіи люди за какіе грѣхи мучаются о горѣ жидовѣ неправдѣ Христа распяли еще бо жидовѣ обратятся в христіанскую веру темъ царствіе небесное во веки и еще рече Богородица а сіи люди за какіе грѣхи мучаются которыя посреди огня стоятъ въ рекѣ то были христіанѣ да обратились во иную веру о горе погубителямъ иноверцамъ проклинающимъ Господа.

4-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и узреши боляши сихъ и приведе ея Архангелъ Михаилъ къ Палатѣ железной в ней многи народы мучаются и рече Пресвятая Богородица сіи Люди за какія грехи мучаются и рече Архангелъ Михаилъ судіи неправедныи кривосудцы праваго винятъ а виноватаго правятъ горе судіямъ Христіанамъ и судителямъ.

5-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ Михаилъ къ рекѣ темной течетъ отъ востока до запада и многія въ ней народы мучаются посреди огня стоящія кто отца и матерь не почитали по колено в огне ствятъ то блудъ творили девицы съ отроками мужья съ чужими женами отецъ и мать детей своихъ учатъ худымъ дѣламъ во младыхъ лѣтахъ и объ этомъ будетъ плачь неутешный и мука вечная а иныя стоятъ в огне по уста за то кто отца Духовнаго хулили того ради мучаются.

6-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ Михаилъ къ червямъ неусыпаемымъ и рече Пресвятая Богородица сіи люди за какіе грѣхи мучаются и рече Архангелъ Михаилъ что поста не имели среды и пятницы не почитали Отца духовнаго не имѣли Тела и Крови Христовой не принимали того ради мучаются.

7-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ Михаилъ къ рѣкѣ огненной тамъ многи народы мучаются иныя стоятъ въ огне въ белыхъ ризахъ шатаются и рече Архангелъ т. е. Патріархи, Митрополиты, Архіереи, Архимандриты, Игумены, Попы, Діаконы и весь церковный причтъ, зато видять Св. Духъ во Св. Троице Св. Отцевъ нашихъ детей своихъ единородныхъ не научили страху Божію и закону Господню и въ Церковь не ходили дело злое творили; оставили Свѣтъ а тьму возлюбили; о горѣ умѣющимъ такимъ которые Божественному писанію не вѣрятъ а творятъ злыя дѣла имѣютъ отца а не печалится: о горе всехъ своихъ мыслей лукавое творили того ради мучаются.

8-я).

Рече Пресветая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ Михаилъ ко зміямъ лютымъ которыя зубами скрежещутъ тело человѣческое и рече Архангелу Михаилу Пресв. Богородица сіи люди за какіе грехи мучаются и рече Архангелъ не давали нищимъ и убогимъ Сиротамъ и странниковъ въ домы не принимали вдовицамъ беднымъ милостыню не творили некоторыя зверямъ лютымъ давали того ради мучаются.

9-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ ко зміямъ лютымъ лице и сердце человѣческое сосутъ и рече Архангелъ Михаилъ о горе Ца-

рямъ немилостивымъ Князьямъ и Боярамъ слугъ своихъ мучали и кто въ Церковь Божiю не ходитъ смѣется а не молится святымъ иконамъ того ради мучаются.

10-я).

Рече Пресвятая Богородица Архангелу Михаилу поведи меня ко иной муки и приведе ея Архангелъ Михаилъ гдѣ Дiаволы держатъ тело человѣческое и рече Богородица, а сiи люди за какiе грехи и рече Архангелъ Михаилъ горе грабителямъ и разбойникамъ разлучникамъ браковъ отцевъ и матерей съ детми дiаволы дерутъ железными гребенками тело человѣческое и разоженными рожнами промываютъ сквозь тело человѣческое горе разбойникамъ душегубцамъ и скоморохамъ и плясунамъ и кто ихъ дарить будетъ и скверно глаголетъ плачь неутѣшная и мука вечная а кто глаголетъ вожь а не Писанiе Господне и тотъ человѣкъ проклятъ отъ Господа нашего Iисуса Христа на веки Аминь.

Нашъ текстъ „Хожденiя Богородицы по мукамъ" относится къ разряду сокращенныхъ позднѣйшихъ русскихъ текстовъ XVII—XVIII вв. съ дополненiями въ русскихъ нравахъ и отличается отъ трехъ извѣстныхъ старѣйшихъ славяно-русскихъ текстовъ XII, XV и XVII вв., т. е. Лаврскаго, Григоровичева и Толстовскаго, изданныхъ Срезневскимъ, Тихонравовымъ и Пыпинымъ. Въ виду важнаго значенiя „Хожденiя Богородицы по мукамъ" въ ряду памятниковъ русской древности (влiянiе хожденiя на иконографiю картинъ страшнаго суда, на духовные стихи, легенды), скажемъ и здѣсь нѣсколько словъ о позднѣйшихъ редакцiяхъ Хожденiя. Подъ руками Романова было нѣсколько списковъ „Слова о похожденiи Пресвятыя Богородицы" XVIII в. Могилевской и Витебской губ. Сравнивая нашъ текстъ съ текстомъ, изданнымъ Романовымъ, находимъ слѣдующiя соотвѣтствiя въ расположенiи №№: 1-ая мука нашего текста=Романов. 1; 2=2; 3=5, 6 и 9; 4=3; 5=4; 6=у Романова нѣтъ; 7=7; 8=8; 9=9; 10=10, 11, 12.

Въ самомъ текстѣ, какъ можно видѣть изъ сравненiя, есть отличiя не только въ выраженiяхъ, но и въ подробностяхъ. Текстъ, изданный г. Ефименкомъ, представляетъ сильно измѣненную редакцiю, отражающую влiянiе „Свитка" или Iерусалимскаго списка. Подробности русскаго быта чрезвычайно замѣчательны и представляютъ собою образчикъ народной книжной сатиры на нравы новой Россiи. Что касается отношенiя иконописныхъ изображенiй страшнаго суда къ Хожденiю Богородицы по мукамъ, то достаточно сослаться на Очерки Буслаева II т., стр. 135, 136, чтобы видѣть въ описанiи мученiй разныхъ грѣшниковъ по подлинникамъ тѣ же самыя подробности, что и въ Хожденiи.

Варiанты по рукописи XIX в. „Сборникъ апокрифовъ Волынскаго Епархiальнаго древлехранилища" (л. 32 об.—34 об.): „Слово о мукахъ показанныхъ пресвятiя Богородици отъ архангела Михаила покажи мнѣ где мучатся многiя народи и гдѣ тма кроменная и гдѣ червъ неусипаемiй, и приведе ея архангелъ Михаилъ ко древу железному на немъ вѣтви огненiя тутъ многiя народи мучатся, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу сiи люде за которiя дѣла мучатся и рече архангелъ Михаилъ кто дворъ со дворомъ сотворилъ или того ради мучатся и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу приведи мене ко оной муки и приведе ея архангелъ Михаилъ къ тремъ кругамъ огненимъ тiи круги наполнени народомъ, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу сiи люде за которiя дѣла мучатся и рече архангелъ Михаилъ под воскресенiе Христово блудъ творили того ради мучатся и прослезися пресвятая Богородица видѣ погибель рода християнскаго, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу поведи меня ко онной муцѣ и приведе ея архангелъ Михаилъ къ полатѣ желѣзной мучители постоянно огонь поджигаютъ, и рече пресвятая Богородица сiи люде о какихъ дѣлахъ мучатся и рече архангелъ судiи и неправеднiй и правосудци праваго виноватимъ а виновнаго правимъ становимъ о горе судящимъ Христови судители, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу пойди ко оной муцѣ узриши болше сихъ и приведе ея архангелъ Михаилъ огненная рѣка течетъ отъ востока и до запада и многiе народи в ней мучатся по средамъ и пятницамъ постъ не соблюдали посреде огня по колѣна стоятъ дѣти отцовъ и матерей бранили и онiя колѣна в огнѣ, блудници съ отроками блудъ творили онiя стоятъ по поясъ в огнѣ, отецъ дѣтей своихъ малихъ учитъ бранится а в томъ себе смѣхъ творили тотъ в огнѣ по уста стоятъ, кто отца духовнаго бранит того ради мучатся, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу, пойди ко онной муки, и приведе ея къ червiю неусипающему и рече пресвятая Богородица сiи люде о какихъ дѣлахъ мучатся посреде червiя стоятъ, и рече архангелъ Михаилъ постъ среду и пятокъ не почи-

тали, били жидове неупокоеніе отца духовнаго не почитали, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу поведи меня ко оних мукахъ, приведе ея архангелъ Михаилъ къ рѣкѣ огненной оба въ бѣлихъ ризахъ шатаются, и рече пресвятая Богородица сіи люде о какихъ дѣлахъ мучатся и рече архангелъ Михаилъ Патріархи митрополити архиепископи и епископи архимандрити и игумени священники диякони и весь причетъ церковній за то они мучатся видятъ свѣтъ а йдутъ во тму заповѣдей святихъ не хранятъ дѣтей своихъ духовному страху божію не учили книгъ предъ ними не читали царство небесное сими дѣлами сотворили сами погибли и миръ погубили оставили свѣтъ и возлюбили тму о горе грамотнимъ и видющимъ книги божественнаго писанія и тако божественному писанію не сотворили дѣлами, мисль лукавую мислили того ради мучатся и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу поведи меня ко оннимъ мукамъ и приведе ея архангелъ... (дальше нѣтъ продолженія. Въ виду интереснаго содержанія сборника Волынскаго епархіальнаго древлехранилища опишемъ его составъ: 1) начало утрачено: повѣсть о царицѣ Магдонѣ и др. есхатологическаго содержанія; 2) Житіе св. и страданіе великомученика Григорія 5796 г.; 3) Слово св. Василія великаго якъ отъ человѣка св. духа отгналъ (о прельщенномъ отрокѣ); 4) Запись 1805 г. на л. 24 и Сонъ пресвятой Богородицы; 5) Списокъ Іерусалимскаго свитка посланій отъ Господа Іс. Хр.; 6) Слово о мукахъ показанныхъ пресв. Богородици; 7) о 12 пятницахъ; 8) о мѣсяцахъ и дняхъ (счастливыхъ и несчастныхъ); 9) Повѣсть о нѣкоторомъ Рицерови и о смерти его; 10) Чуда сина Божія; 11) Слово о св. Андреѣ Критскомъ; 12) Чудо св. Григорія змѣеборца, 13) Житіе прекраснаго Іосифа; 14) Житіе преподобнаго Агапита марта 15 дня).

Сборникъ Кіевской Духовной Академіи нынѣшняго вѣка, 0. 8°51 (Сонъ Богородицы, Свитокъ Іерусалимскій, Сказаніе о 12 пятницахъ, молитвы).—„Сказаніе иже во с҃тыхъ отца нашего Климента папы римскаго какія подобаетъ почитать 12 пятницъ“.

а҃: Пятница на первой недели великаго поста, кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ напрасною смертію не умретъ.

в҃: Пятница предъ благовещеніемъ Прес҃тыя Б҃гцы, кто оную пятницу постится тот человѣкъ избавленъ будетъ напраснаго убіенія.

г҃: Пятница на страстной недели, кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ от утопленія сохраненъ будетъ.

д҃: Пятница предъ вознесеніемъ Г҃днимъ кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ на водахъ.

е҃: Пятница предъ троицынымъ днемъ, кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ от огня и меча сохраненъ будетъ.

ѕ҃: Пятница предъ рождествомъ с҃таго Іоанна предтечи, кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ избавленъ будетъ от недостатку и скудости.

з҃: Пятница предъ днемъ с҃таго пророка Іліи, кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ от убіенія громомъ сохраненъ будетъ.

и҃: Пятница предъ успеніемъ прес҃тыя Б҃цы, кто оную пятницу постится тот человѣкъ сохраненъ будетъ от трясавичныя болезни.

ѳ҃: Пятница предъ днемъ с҃тыхъ безсребренникъ казмы и даміана, кто оную пятницу постится того человѣка имя написано будетъ на престолѣ г҃днемъ.

і҃: Пятница предъ днемъ Архангела Г҃дня Михаила, кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ избавленъ будетъ смертнаго грѣха.

аі҃: Пятница предъ рождествомъ Х҃ртовымъ, кто оную пятницу постится тотъ человѣкъ предъ смертію своею узритъ прес҃тую Б҃цу молящуюся о душе его.

ві҃: Пятница предъ богоявленіемъ Г҃днимъ, кто оную пятницу постится того человѣка имя написано будетъ у самаго Г҃да нашего Іи҃са Хр҃та въ книгахъ животныхъ. Того ради подобаетъ всякому православному христіанину сіи избранныя дни постится и препровождать въ благочестіи, а наипаче какъ сій такъ въ праздникі Г҃дни и воскресныя дни надлѣжитъ блюстися от нечистоты плотскія. Аще и мужъ съ женою учінитъ соитіе и зачнется у нихъ детище и родитъ, то будетъ—или слѣпъ, или глухъ, или нѣмъ, или тать, или разбойникъ и всякому злу наставникъ.

Кіевской Духовной Академіи сборничекъ настоящаго столѣтія № 28, л. 6 об.—7 об. „Поученіе Папы Римскаго. О двенадцати Пятницахъ въ Году всякому православному христіанину подобаетъ поститца“.

1-я) мука.

На первой недели великаго поста кто сію пятницу постится тотъ человѣкъ незапною смертію не умретъ.

2-я) мука.

Предъ Благовещеніемъ Пресвятыя Богородицы кто сію Пятницу поститца и тотъ человѣкъ отъ напраснаго убійства сохраненъ будетъ.

3-я) мука.

На страшной недели великаго поста кто сію Пятницу постится тотъ человѣкъ отъ непріятеля сохраненъ будетъ.

4-я) мука.

Предъ вознесеніемъ Господнимъ кто сію Пятницу поститца и тотъ человѣкъ отъ потопленія по водамъ избавленъ будетъ.

5-я) мука.

Предъ Сошествіемъ Святаго духа кто сію Пятницу постится тотъ человѣкъ отъ остраго меча сохраненъ будетъ.

6-я) мука.

Предъ рождествомъ Іоанна Предтеча кто сію пятницу поститца тотъ человѣкъ отъ великаго недостатку сохраненъ будетъ.

7-я) пятница.

Предъ Святымъ Пророкомъ Иліею кто сію пятницу поститца тотъ человѣкъ отъ убійства Грома сохраненъ будетъ.

8-я).

Предъ успеніемъ Пресвятыя Богородицы кто сію Пятницу поститца тотъ человѣкъ отъ искушенія трясовицы сохраненъ будетъ.

9-я).

Предъ Кузмой и Доміаномъ кто сію пятницу постится тотъ человѣкъ отъ великаго смертнаго часа сохраненъ будетъ.

10-я).

Архистратига Михаила кто сію Пятницу поститца тотъ человѣкъ увидитъ имя свое написано у Пресв. Богородицы на Престоле.

11-я).

Предъ Рожественомъ Христовымъ кто сію Пятницу поститца тотъ человѣкъ при смерти своей узритъ Пресв. Богоро.

12-я).

Предъ Богоявленіемъ Господнимъ, кто сію Пятницу поститца тотъ человѣкъ увидитъ имя свое у самаго Господа въ животныхъ книгахъ.

Аще кто въ те дни что скверно мужъ съ женою своею в законѣ пребудетъ то тотъ мститъ имъ Богъ въ животѣ зачнется у нихъ детище то будетъ сленъ или немъ или глухъ или тать или разбойникъ или клеветникъ или душегубецъ или всему злу наставникъ того ради подобаетъ всякому православному Христіанину остерегаться.

Изданные нами тексты о 12 пятницахъ относятся къ числу распространенныхъ сказаній т. н. Климентовской редакціи, изданной по спискахъ XIX в. (рѣдко XVIII в.) Буслаевымъ (Очерки I т., 503—504 стр. „Которыя пятницы постить"—самая краткая редакція), Тихонравовымъ (Памятники Отреченной Литературы II т., 337—338 стр.), Безсоновымъ (Калѣки Перехожіе, вып. 6, 153—157 стр., 4 текста), Драгомановымъ (Малорусскія народныя преданія, 1876 г., 144—145 стр. „Святыя Пятницы"), Ефименкомъ (Матеріалы по этнографіи Архангельской губ., 2 ч., 223—224 стр. „Пятничный свитокъ"), Романовымъ (Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 5, 264—266 стр. „О двѣнадцати пятницахъ", по рукописямъ XVIII в. могилевской и витебской губ.). Всѣ эти списки, имѣя общія черты сходства, отличаются частностями. Особенно много лишнихъ подробностей въ спискѣ, изданномъ Ефименкомъ. Наши тексты ближе всего къ Безсоновскому 4, Буслаевскому, Тихонравовскому и Романовскому. Нѣкоторые списки (Тихонравова, Ефименки и Романова) имѣютъ слѣдующія вступленія: „Климентъ папа Римскій, глаголетъ, поучая насъ о двухъ надесятѣхъ пятницахъ, просто рецы времянныхъ въ году. Выписано отъ

древнихъ святыхъ отецъ преданія, аще и вси святыя пятницы, подобаетъ всякому христіанину чтити, разсуждая великіе дни и почитая праздники предъ всѣми пятницами, да не прійдетъ никое на насъ незапное зло“ (Тихонравовъ); „Поученіе отъ отъ древнихъ отцовъ и иныхъ святыхъ. Папа Климентъ поучаетъ насъ, братіе, имѣть двѣнадцать пятницъ въ году и постить ихъ всякому христіанину“ (Романовъ); „Желающій угодить Господу Іисусу Христу долженъ соблюдать и поститься 12 пятницъ, и кто сіе соблюдаетъ, тотъ хотя и Богу не молится и въ церковь не ходитъ, и евангелія не читалъ, спасется“ (Ефименко); „годиться и се знати, коли и якіі пъятниці в року і за що повинен всякій чоловік постити“ (Драгомановъ). Въ подробностяхъ отдѣльныхъ пятницъ только 2 первыхъ главы и 12 сходны, остальныя главы отличаются и нѣтъ двухъ списковъ сходныхъ. Не приводимъ заключительныхъ словъ сказаній о пятницахъ, которыя болѣе или менѣе вездѣ сходны; но въ нѣкоторыхъ спискахъ отсутствуютъ. Духовные стихи о 12 пятницахъ (великорусскіе, бѣлорусскіе, малорусскіе) подходятъ къ Климентовской редакціи, дополняя ее, однако, и подробностями о самыхъ праздникахъ изъ Елевѳерьевской редакціи, извѣстной по спискамъ, начиная съ XV вѣка. Лубочныхъ картинъ и иконописныхъ изображеній 12 пятницъ почти совсѣмъ неизвѣстно; мимическія живыя изображенія Пятницы запрещались и Стоглавомъ и Духовнымъ Регламентомъ. Въ исчисленіяхъ ложныхъ книгъ „изъ Молитвенника Митрополичья Кипріянова всея Русіи“ (Пыпинъ: Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ, стр. 49 „Лѣтописи занятій Археографич. Ком., вып. I“) упоминается: „о 12 пятницахъ времянныхъ“. Можетъ быть, южнославянскіе переводы сказанія о 12 пятницахъ древнѣе XV вѣка.

Кіевской Духовной Академіи, 0.8⁰. 51, сборникъ нынѣшняго вѣка: „Свитокъ Іерусалимскій посланный от Гд҃а нашего Іисса Хр҃та“ (въ скобкахъ приводимъ варіанты по рукописи № 28 Кіевск. Дух. Муз., съ заглавіемъ: „Сказаніе о Іерусалимскомъ спискѣ“). (Знаменіе) во святомъ Граде Іерусалимѣ бысть явленіе предивное въ Марте месяцѣ въ пятокъ въ третіемъ часу дне гласъ бысть во Святей Божіей Церкви (гласъ съ небѣси) невидимо къ людямъ глаголющь, покайтеся! испаде съ небеси (къ людямъ) камень малъ (и студенъ) а тяготы великія (ему никто не можетъ ведати и спаде тотъ камень въ третьемъ часу дни). Патріархъ же Іерусалимскій со всемъ соборомъ пояху надъ темъ камнемъ (нача совершати моленые пеніе) по

три дни и по три нощи молебная пѣнія а на четвертый день распадеся тотъ камень (въ третьемъ часу дни) на двое и обретоша въ немъ свитокъ (Іерусалимскій а въ немъ пишитъ Господь) написанный самимъ Бг҃омъ иже глаголетъ послушайте людіе (человѣцы человѣколюбія моего и словъ моихъ азъ есмь Господь Богъ нашъ пишу къ вамъ первое и второе посланіе заповѣдаю вамъ наказанія моего не слушаете ибо небо и земля мимо идетъ а словеса мои Божіи мимо никогда не пройдутъ делайте правду Воскрѣсеніе Христово чтите честно) мои сего моего писанія и разумейте словъ моихъ истинну: почитайте праздники Гд҃ни и празднуйте духовно а не телесно (такъ же и праздники Господни празднуйте и почитайте среды и пятницы сотворилъ Господь перваго человѣка на земли Адама в туже пятницу пригвоздиша руце и нози гвоздми в ребра копіемъ прободоша за ваше беззаконіе и непотребную брань вашу воскрѣсеніе Христово воскресъ еси изъ мертвыхъ въ тоже воскресеніе начало вашему спасенію въ среду и пятницу подобаетъ поститца всякому православному Христіанину. Аще который человѣкъ Воскрѣсеніе Христово въ трудахъ своихъ пребываетъ хощетъ себѣ прибытку и тотъ человѣкъ избираетъ на главу свою огонь вѣчный и погубитъ всю седмицу ибо Воскресеніе Христово далъ человѣкомъ рабомъ и рабынямъ и скотомъ на упокой, праздники Господни празднуйте честно духовно съ любовію не пьянствомъ другъ друга любите нищимъ братіямъ моимъ возлюбленнымъ) не пьянствомъ и объединеніемъ а молитвами и славословіемъ прославляйте имя Гд҃не, сиротъ и вдовицъ милуйте, нищимъ и убогимъ милостину творите, ибо они суть меншая братія моя имѣйте любовь и правду между собою, от Бога установленныя власти почитайте и повеленіемъ ихъ повинуйтесь а о починенныхъ вамъ пекитесь и милуйте за что сами помилованы будитя от отца моего небеснаго въ воскресныя и праздничныя дни ходитя нелесносно въ церковь Божію и слушайте со вниманіемъ пѣніе и чтеніе, разумейте словеса моя сія и помнитя что вамъ данъ законъ и крещеніе и за исполненіе по закону обѣщано вѣчное блаженство и царствіе небесное (нагихъ одевайте, уготовайте животъ вечный вамъ же будетъ мука вечная за умноженіе греховъ вашихъ на подобіе верблюду сквозь игольныя уши пройти тако и богатому въ царствіе небесное войти; безумные человѣцы) смотрите на невѣрныя языки и те по своей вѣрѣ Бога почитаютъ и ближнимъ добро дѣлаютъ (языка вашего не знаютъ а Бога знаютъ нищимъ и убогимъ милостыню тво-

рятъ я вамъ далъ законъ мой и крещеніе мое, вы безумные человѣцы смотрите а моего закона не хотите имѣть и не слушаете) поститеся четыре посты всего лѣта среду и пятокъ кроме разрешенныхъ дней. Никлянитесь ни нбомъ ни землею ниже другою какою клятвою но да будетъ тебѣ слово Гдн҃е еже ей, ей. и еже ни, ни. Азъ есмь господь богъ вашъ (долготерпѣливъ и многомилостивъ не до конца прогнѣвается) и вы людіе мои не хощу вамъ погибнути но ожидаю вашего обращенія и покаянія и аще покаетесь и отъ злыхъ дѣлъ отстанете дамъ вамъ животъ вѣчный дождь на землю и теплоту солнечную во время плодовъ земныхъ и всякое изобиліе и умножу лѣта ваша. Аще же не покаетесь словесъ моихъ не послушаете и отъ злыхъ дѣлъ вашихъ не отстанете (еще молится за васъ Мати Моя Пресвятая Богородица и Ангели ваши хранители... а вы окаянныя сотворите любовь и правду между собою Воскресеніе Христово и праздники Господни среды и пятницы чтите и почитайте, а ежели въ посты не станете постится и неправду дѣлать), то напущу на васъ многія невѣрныя языки и пролютъ кровь вашу за беззаконіе ваше, еще напущу на васъ мразъ великій (морозы студеные) и моръ на человѣки и скоты. Еще напущу на васъ жажду и не дамъ теплоты солнечныя во время плодовъ земныхъ. Еще напущу на васъ огнь съ небесъ и каменіе горячее. Еще напущу на васъ зверей лютыхъ зміевъ двоеглавныхъ поядятъ все плоти пойдутъ души ваша въ муку вѣчную. Еще напущу на васъ тьму велію и трусъ великъ и поколеблется земля отъ основанія своего и тогда вы беззаконныя человѣцы восчуствуете всю силу гнева моего и отъ ужаса начнете разрывать гробы умершихъ отцевъ вашихъ и речете имъ примите насъ къ себѣ и укройте от гнева Божія и не услышатъ васъ. о окаянныя человѣцы! сказываю вамъ уже дніе ваши скончаваются, страшный судъ готовится, престолъ поставляется, книги разгибаются, и вся тайная дѣла ваша является. Азъ же не хощу смерти вамъ но ожидаю обращенія и покаянія вашего. Аминь глаголю вамъ послушайте сего моего писанія и покайтеся. Небо и земля мимо идутъ, а словеса моя не мимо идутъ. О горѣ! горѣ нераскаяннымъ грѣшникомъ Горѣ тому человѣку который въ воскресныя и праздничныя дни въ церковь Божію не ходитъ и детѣй своихъ не посылаетъ и не поучаетъ закону Господню и страху Божію. Горѣ піяницамъ и скверножсловамъ червь ихъ неумираемый и огнь неугасаемый. Горѣ скоморохамъ (мы опустили изъ второго текста множество варіантовъ

и отмѣтимъ здѣсь только: „горе плясунамъ скоморохамъ, песни сатонинскія поющимъ за два селенія тотъ да будетъ проклятъ а діаволу угодникъ гневъ мой натешается окаянные похитятъ дни ваши оканчиваются въ церковь Божію ходите съ радостію приносите свечи и феміамъ и просвиры церковныя причтовъ чтите т. е. угодно Христу Богу а по жидовски не ходите“) и обаянниковъ, Горѣ ябедникомъ и злословамъ. Горѣ блудникомъ, прелюбодеямъ и мужеложникомъ. Горѣ судіямъ неправедным которыя за мзду виноватаго правымъ а праваго виноватымъ дѣлаютъ. Горѣ ростовщикамъ которыя сребро и злато отдаютъ въ лихву и темъ раззоряютъ своихъ ближнихъ. Горѣ священникомъ которыя не брегя о своей должности не поучали своихъ духовныхъ чадъ страху Божію. Горѣ Горѣ грѣшникомъ нераскаяннымъ. Мука велія и вѣчная огнь неугасаемый и червь неусыпаемый, мразъ и жупелъ идеже плачь и скрежетъ зубовъ въ нескончаемыя вѣки. Аминь“. Въ числѣ разночтеній по сборнику № 28 заслуживаетъ вниманія еще упоминаніе о „діаволѣ Верзаулѣ“. Не можетъ ли это стоять въ связи съ извѣстнымъ упоминаніемъ о попѣ Богомилѣ, который былъ „въ навѣхъ на Верзауловѣ колѣ“. Здѣсь Верзаулъ=Верзевулъ, слѣдовательно: на дьяволскомъ пути.
